Николай Хмурый. Империя очень зла!

Автор:
Михаил Ланцов

Николай Хмурый. Империя очень зла!

Михаил Алексеевич Ланцов

Героическая фантастикаНиколай Хмурый #1

Наш современник гибнет в теракте на железной дороге… но только для того, чтобы очнуться в теле своего тезки – Николая Александровича – в момент железнодорожной катастрофы 1888 года. В этот раз Александр III и Георгий Александрович погибли. В этот раз Николай стал Императором на 8 лет раньше… и это СОВСЕМ другой Николай.

Михаил Алексеевич Ланцов

Николай Хмурый. Империя очень зла!

© Ланцов М., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Николай Александрович отпил немного кофе из миниатюрной, поистине «жлобской» чашечки и уставился ничего не видящим взглядом за окно. Высокоскоростной поезд мчал его вдаль от Парижа. Несмотря на кризис и всеобщую политическую истерию, он все еще держался… а вместе с ним и его бизнес. Но легче не становилось. Вот и сейчас он пытался найти способ обойти совершенно дурацкие запреты и обеспечить взятые на себя обязательства по поставке промышленного оборудования.

В вагон-ресторан он не пошел. Шумно. А здесь было можно подумать и попытаться просчитать предстоящие переговоры. Надежды немного, но он все равно хотел попробовать. Вдруг удастся найти подход? Хотя кого он обманывал?

Тяжело вздохнув, он еще раз глотнул кофе. С разочарованием посмотрел на керамическое донце пустой чашки и с сожалением поставил ее на блюдце. И тут его взгляд зацепился за странного сотрудника железной дороги. Тот был одет в широкую накидку, явно предназначенную для другой погоды, и глаза имел натурально безумные.

– Аллах-бабах! – вдруг выкрикнул этот странный индивид. Дернул что-то. И в Николая Александровича ударил яркий свет. А потом, следом, что-то упругое… бесформенное… и очень сильное, то, что играючи вжало его в кресло до такой крайности, что, казалось, перехватило дыхание и затрещали кости…

Но ненадолго. Казалось, он пару мгновений пробыл в таком зажатом состоянии. Потом моргнул, тряхнул головой, пытаясь избавиться от этого наваждения, и оказался на неудобном деревянном сиденье в каком-то антикварном вагоне-ресторане. А перед ним – незнакомые люди в старомодной одежде, напряженно смотрящие на него с беспокойством в глазах. За окном же медленно ползли пейзажи. После порядка трехсот километров в час, с которыми летел поезд Париж – Лион, теперь казалось, что состав едва движется, подозрительно покачиваясь и опасно поскрипывая. Общую идиллию портил только лишь каменноугольный дым, «аромат» которого угадывался в воздухе…

– Avec toi tout est bien? – поинтересовалась юная особа с неподдельным участием в голосе.

Но ответить Николай Александрович не успел. Раздался очень неприятный и громкий звук, как если бы лопнула крупная металлическая деталь, и вагон стал

заваливаться, падая под высокую насыпь… Все замелькало перед глазами. Перекошенные ужасом лица. Стены. Потолок. Фрагменты еды… или это была не еда? Ну вот наконец все утихло. Вокруг была темнота и какая-то гудящая, прямо-таки звенящая тишина в ушах.

«Какой у меня странный финал…» – пронеслось в голове Николая. Он только сейчас успел осознать, что там, в поезде Париж – Лион, его жизнь оборвал религиозный фанатик и убийца-психопат, хотя, вероятно, отличий в этих эпитетах, по существу, и не было. Это было так странно – лежать и думать о том, как умер. И куда он «загремел»? Это что, такой ад? Скучный. У того, кто его придумал, не было ровным счетом никакой фантазии. А если не ад, то что? И главное – почему все так по-дурацки?

Потихоньку слух восстановился, и Николай Александрович отчетливо стал слышать дыхание людей где-то рядом. Разное. Где-то неустойчивое и рваное, где-то мерное, где-то вообще сдавленные хрипы… а где-то там, за непонятным барьером, роль которого выполняли, вероятно, обломки вагона, раздавались даже крики…

А потом на него нахлынули, словно волна, словно ураган, какие-то слова, мысли и чувства, закружившие Николая в круговороте воспоминаний. Такие чужие и далекие, и такие близкие, яркие, сочные, объемные и фактурные. Они оказались настолько увлекательными и сильными, что он перестал слышать и видеть все вокруг…

Сколько это продолжалось? Он не знал. Но первое, что он увидел после возвращения в этот сон, оказался лейб-медик. Тот нагло совал ему под нос какую-то склянку с чем-то вонючим. Почему он решил, что перед ним лейб-медик? Ну так форма была характерная, да и знал он его… почему-то… Наконец, поморщившись, Николай Александрович выдавил из себя:

– Merde.

Почему по-французски? А как ему разговаривать во Франции? Ведь где произошло крушение? Да, одежда странная. И вообще непонятно, откуда все эти люди взялись. Но мало ли у него какие сбои в работе сознания из-за контузии или какой еще травмы мозга?

Кто-то что-то буркнул в сторону, и его начали куда-то укладывать. Вроде как даже на импровизированные носилки. «Этого еще не хватало!» – пронеслась в голове шальная мысль. Чувствовал он себя погано, но все тело прекрасно ощущал. А недомогание сводилось к отвратительному настроению и легкой тошноте. «Видно, сотрясение все же заработал. Не самый плохой исход. Такой близкий взрыв мог и убить. Хотя галлюцинации интересные. Когда еще такие посмотришь?» С этими мыслями Николай Александрович оттолкнул назойливые руки и попытался встать. На удивление, это получилось вполне успешно. Тем более что те самые «руки», что пытались уложить его на носилки, стали всемерно помогать подняться.

Он встал. Встряхнул головой и уставился на свежий труп человека в пяти шагах от себя. Это была женщина в годах. Доской обшивки ей пробило грудную клетку. И он ее знал… откуда-то знал… Помнил.

В нос ударил запас парного мяса, крови и нечистот, что непременно сопровождают смерть. У смерти характерный запах, и это отнюдь не цветочный букет. Стало страшно. Очень. Слишком уж странные это галлюцинации. Такие натуральные. И удивительно реалистичная картинка и запах. Он протянул руку и провел пальцами по обломку доски, подспудно отмечая, что тактильные ощущения также на очень высоком уровне.

«Так это что получается? Неужели это не сон? Неужели это реальность? – остро прозвучала в его голове мысль. – Нет… так не бывает… Бред…» Он отшатнулся от покойной. Окинул взглядом «поляну» и обалдел от того, насколько все было бестолково и неустроенно. Люди, конечно, пытались что-то делать, но не все и как-то вразнобой. Прямо иллюстрация на тему того, что анархия и самоорганизация народных масс – полный бред и безнадежная мечта экзальтированных идеалистов. Толку от их действий почти не было. А стоны раненых, заваленных обломками, хорошо были слышны.

Николай Александрович попытался взять командование на себя. Начал приказывать, но говорил на французском. Отчего люди хоть и слушали его, да понимали далеко не все. Минуты через три-четыре его это достало. Он с раздражением глянул на одного такого непонятливого. Тот заглядывал ему в рот, ловя каждое слово, но, очевидно, ничего не понимал. Посему Николай вздохнул и еще раз попытался втолковать поручение.

– Не разумею я, Ваше Императорское Величество, – наконец страдальческим голосом произнес этот мужчина.

– Императорское Величество? – невольно переспросил Николай Александрович уже по-русски. Скорее на автомате, чем осознанно. – Чего ты такое мелешь?

– Так батюшка ваш… Александр Александрович… преставился… – извиняющимся, прямо-таки дрожащим голосом сообщил собеседник.

Николай Александрович схватился за голову. Бред. Бред! БРЕД! Какой император? Что он несет?! И отца его звали не так. Да, Александр, но Анатольевич. Да и вообще… почему он в казачьей форме? Что вообще, черт побери, происходит?! А впрочем, какая разница? Император? Подчиняются? Ну и бес с ними! Сейчас главное – дело делать. А с остальным потом разберется. Поэтому, взяв себя в руки, Николай начал командовать этими людьми по-русски. И они, что удивительно, охотно подчинялись. И весь тот хаос, что окружал место железнодорожной катастрофы, в считаные минуты заменил деловитый порядок…

Часть 1

Николай Кровавый

– Хороший? Плохой? Главное – у кого ружье!

Глава 1

1889 год, 3 февраля. Санкт-Петербург

Первые минуты и даже часы после «попадания» Николай Александрович не задумывался ни о чем, кроме дела. Люди же умирали. И он не мог просто так

взять и начать рефлексировать. Дурные мысли накатились позже, когда ему удалось уединиться в вагоне прибывшего из Харькова поезда. Несмотря на всю неказистость этого самого обычного состава, ему выделили прилично места. Во всяком случае, достаточно, чтобы побыть одному и подумать. Так-то по-хорошему нужно было отдыхать, но в эти часы ему было совсем не до сна.

К прибытию в Санкт-Петербург рефлексия в целом прошла. Не тот у него был характер, чтобы истерики устраивать. Да – шок. Да – полное непонимание того, как это все произошло. Ну и что? Он же не всеведущий. А в этом мире, без всяких сомнений, есть масса того, что еще долго не смогут даже предположить.

Но главное, пришло осознание – он попал. Во всех смыслах этого слова. Теперь вынужден отдуваться за милого хипстера Ники, известного также как Его Императорское Величество Николай II Александрович. Того самого, что стал главным позорищем России в XX веке, конкурируя за первое место в этом деле с Хрущевым и Горбачевым…

То есть картина «Приплыли». Ведь если по уму, то у него был только один сценарий поведения – принять сложившуюся ситуацию как данность и попытаться выжить. Хотя бы тут. Ведь, по сути, там, в скоростном поезде, идущем на Лион, погиб не он, а цесаревич. Опосредованно, конечно. Бедолагу ведь вышвырнуло из тела ворвавшимся туда инородным сознанием, которое, в свою очередь, поспешно эмигрировало из своего былого обиталища. От несчастного цесаревича остались лишь воспоминания, обрывки мыслей да кое-какие навыки. И все.

Николая Александровича немного беспокоил тот факт, что в железнодорожном крушении погиб император. Об этом событии он и слышал, и читал. В реальности этого не было. А тут вот – пожалуйста. И император, и второй его сын – Георгий, а еще младшая дочка – Ольга. Почему так? Единственным объяснением, которое придумал наш герой, стало отсутствие предопределенности. То есть заранее ничего не известно. И раз событие произошло еще раз, то и «кубики кинули» заново с совсем другим результатом.

Впрочем, иллюзий от того, что выжил и стал императором, да еще на восемь лет раньше, Николай Александрович не испытывал. И на то были очень веские причины. Он плохо знал историю эпохи и региона. Только какие-то ключевые даты или выборочные эпизоды с персоналиями. Но и этого хватало, чтобы вкупе со сведениями покойного предшественника и взрослым, зрелым и неплохо

развитым умом нарисовать ужасающую картинку.

Несмотря на устоявшиеся стереотипы, из последнего «трио» императоров собственно самодержцем был только Александр II. Да, странный и непоследовательный либерал. Но правил он самостоятельно и самодержавно. Этакий просвещенный либеральный тиран.

Александр III, сменивший отца в 1881 году, к престолу совершенно не был подготовлен. Хуже того – пошел характером в мать. Из-за чего за внешним фасадом крупного, крепкого и довольно брутального мужчины скрывался рохля и подкаблучник. Страной же по факту правила его супруга – Дагмара. Насколько это вообще возможно при столь опосредованной схеме управления.

Эта маленькая, хрупкая женщина держала в своих крохотных кулачках не только яйца мужа-увальня и детей, ходящих по струнке, но и всю остальную страну. Однако ей хватало ума оставаться в тени, из-за чего создавалась иллюзия могущества личности Александра III. О том, что это совсем не так, Николай Александрович узнал, только попав сюда. Покойный Император был не страшный русский медведь, а милый плюшевый мишка, чем пользовались без всякого зазрения совести все, кому не лень. Ведь Мария Федоровна не всегда была рядом и не всегда могла надавать по рукам всяким интриганам. Что влекло за собой самые кошмарные последствия. В частности – серьезное усиление великих князей – братьев Императора.

Вот и выходило, что, вступив на престол, Николай Александрович оказывался критически стеснен властной мамой и не менее амбициозными дядями. Ситуация усугублялась еще и тем, что он сам был полноценным продуктом эпохи и окружения. От природы неглупый малый страдал от того, что его голова была забита религиозной чепухой, посеянной там Победоносцевым. А достаточно твердый характер, немало взявший от волевой мамаши, был совершенно вывихнут откровенно идиотским воспитанием и не позволял ему действовать в должной степени жестко и решительно. Особенно по отношению к близким людям.

И чем дальше, тем ситуация становилась хуже. Великие князья прирастали могуществом, Мария Федоровна ширила и укрепляла свой двор, превращая его в альтернативный центр власти. В довершение всего Николай Александрович вляпался еще и в Алису, которая только усугубила и без того мрачное положение дел. То есть с 1881 года в Российской империи начал стремительно

прогрессировать кризис власти, а ее саму стали разрывать внутренние противоречия. На самом верху. Как в той басне про Лебедь, Рака и Щуку. Кто во всем этом был виновен? Прежде всего Александр II, который допустил наследование империи сыном-рохлей. У него было из кого выбирать, но он о том не думал. Завершили же «картину маслом» родители Николая II, не только распустившие великих князей, но и изуродовавшие сына бестолковым воспитанием…

И вот в это тухлое болото влетел наш герой. К счастью, не успев вляпаться в Алису. Но это помогало не сильно. Однако осознание само по себе – важное дело! Если не понимаешь, что происходит, то и разрешить этой беды не удастся. Но, несмотря на некоторый оптимизм, что делать, обновленный Николай Александрович пока не знал. Ведь за дядями стояли реальная власть, сила, деньги и вооруженные люди, верные и обязанные им. Пойди их задвинь. Мигом оливкой подавишься. О печальной судьбе Павла Петровича наш герой и до того знал и, что любопытно, почерпнул немало деталей из воспоминаний реципиента. Тот тоже о нем нередко думал, видно, неспроста. Поэтому наш герой на первых порах старался избегать резких движений. Поначалу, во всяком случае. Окружающие же эту осторожность и некоторую замкнутость принимали за последствие душевной травмы от крушения поезда и гибели родителя с братом и сестрой…

Так или иначе, время шло. Николай осматривался. Фиксировал свои наблюдения в дневник. Анализировал их. Сводил и агрегировал. Производил там подсчеты. Действовать вслепую было глупо. А адекватность сведений, что валялись в голове экзальтированного и глубоко религиозного молодого человека, доверия не вызывала.

И работал со своим ближайшим окружением. Очень плотно работал. Так, например, он смог в считаные дни потерять доверие к командиру собственного Его Императорского Величества конвоя – Шереметьеву Владимиру Алексеевичу. То есть фактически начальнику телохранителей. Что с ним было не так? Все. Так-то да, он был предан Императору, но совершенно не понимал, что творит, в силу природного скудоумия. Любитель покутить на широкую ногу и ввязаться в безумную авантюру, а потом страстно уговаривать его спасти… снова влипать… и так до бесконечности. Шумный, бестолковый и невероятно пыльный. И эту пыль он постоянно пытался метать в глаза всем подряд. Напрямую, скорее всего, не предаст. Но поставить этого кретина начальником личной охраны мог только Александр III… да и то из сострадания к бедолаге, чтобы был под рукой и

можно было вовремя его одергивать, не позволяя влипать в дурацкие истории.

Поняв, что с командиром каши не сваришь, Николай Александрович постарался познакомиться поближе с младшими офицерами и нижними чинами. Выискивая среди них тех, на кого можно было положиться. Ради чего у Императора появилось новое увлечение – fun-shooting. То есть стрельба из огнестрельного оружия по разнообразным мишеням. Но не в одиночку же палить? Тем более что рядом есть всегда те, кто составит компанию. Ради чего это самое оружие начинает потихоньку накапливаться в жизненном пространстве нашего героя. Тут винтовочка, там револьверчик. Да и общение пошло…

Вот после такой очередной стрельбы Николай Александрович и принял Анатолия Федоровича Кони, ведущего расследование по факту крушения царского поезда. Тот вошел. Раскланялся. Сел на указанное ему место. И начал вещать.

Вопрос складывался из «святой троицы»: трусости, глупости и воровства. В чем это выражалось? В том, что многие служащие выполняли свои обязанности спустя рукава, «на отвяжись». Например, министр путей сообщения Константин Николаевич Посьет не только ничего не смыслил в железных дорогах, но и бравировал этим: дескать, ему не нужно вдаваться в эти совершенно лишние детали, чтобы блестяще управляться всем. То есть этот человек просто плевал на свои обязанности, воспринимая пост как лишенную всяких хлопот «кормушку», данную ему по старости за заслуги в прошлом.

Не лучше обстояли дела и с Петром Алексеевичем Черевиным, генералом, состоящим непосредственно при Императоре и отвечавшим за его безопасность в целом. Так-то он был и умным, и честным, и здравомыслящим, и даже храбрым, с опытом боев и прекрасными рекомендациями. Но имелся в нем и недостаток, а именно алкоголизм. Все знающие его люди утверждали, что хоть чуть-чуть, но он был выпивши всегда и непременно. Это не мешало Петру Алексеевичу иметь «товарный вид» и самостоятельно говорить, передвигаться, производя впечатление в целом адекватное. Но не более того. Так как это было всего лишь фасадом, укрывавшим сознание, непрерывно пребывающее в алкогольном дурмане.

Хватало и других удивительных вещей. Например, императорский поезд шел намного быстрее положенного и был серьезно перегружен. Все об этом знали и молчали. Тяжелые вагоны поставили не следом за паровозом, а посередине. И тоже – тишина, хотя очевидная же всем причастным вещь. Автоматические

тормоза, каковыми оборудовали императорские вагоны, вышли из строя загодя, но это никого не смутило. Подумаешь! Тормоза? Что, из-за этого Императора задерживать? Даже кондуктора, что должен был, согласно расписанию, дежурить у ручных тормозов, и то прогнали, отправив помогать слугам по обиходу августейшей фамилии. И так далее, и тому подобное. То есть государственные служащие творили черт-те что, либо не понимая этого, либо целенаправленно злодействуя.

– Кошмар… – покачал головой Николай Александрович. – Мрак… один сплошной беспросветный мрак…

– Ваше Императорское Величество, случались и просветления… – осторожно заметил Кони. А потом поведал о выявленной им истории Сергея Юльевича Витте. Тот еще на пути в Крым нашел серьезную неисправность одного из вагонов. Довел это до сведения сервисного персонала. Но те отмахнулись, дескать, в Севастополе посмотрим. Там он им напомнил. И что вы думаете? Снова отмахнулись. Едет же, значит, и трогать вагон не стоит, а то еще возьмет и развалится. То есть классический ответ: «Не трогай то, что пока работает». Но Витте был довольно разумный человек, и его эта «отмазка» не устроила. Он пошел к Посьету. Но был вежливо послан со своими замечаниями с рекомендацией записать их на бумаге и запихнуть их себе… хм… подать по инстанции. И что же? Сергей Юльевич все записал и подал чин по чину, прекрасно понимая, что его рапорт похоронят в ворохе «лишних бумаг». И похоронили бы, если бы не трагическое крушение.

Николай Александрович слышал о Витте. Там, в XXI веке. И слухи эти были очень неоднозначные. Кто-то его хвалил. Кто-то ругал. Кто-то называл настоящим патриотом и светлой головой в области финансов в России. Кто-то клеймил предателем, шпионом и врагом народа. Подробностей этого старого «холивара» Николай Александрович не знал и знать не хотел. Не интересно было в свое время. Однако то, как повел себя Витте в ситуации с поездом, отрекомендовало его лучше всяких слов. Сразу стало понятно, кто и почему его ругал. Осознанно, во всяком случае. А то, что потом подхватили красивые лозунги широкие массы, – дело десятое…

В общем, вырисовывалась на редкость гнилая система. Но это было полбеды. Кони успел раскопать и удивительной наглости аферу, которая гармонично дополняла общую степень маразма. Дело в том, что строил Курско-Харьковско-Азовскую железную дорогу по концессии Самуил Соломонович Поляков –

известный концессионер и делец Российской империи. Братья которого были видными банкирами и финансистами.

Самуил Соломонович строил очень «экономно»: шпалы укладывал редко и плохие, насыпи проводил безобразно, да и с рельсами мухлевал. Про людей и речи нет – платил мало, требовал много и постоянно обманывал. После постройки дороги стало не лучше, так как эксплуатировал он ее отвратительно. Года не прошло, как посыпался сплошной поток жалоб на злоупотребления и прочие непотребства. Дошло до того, что правительству, после серии комиссий и инспекций, порекомендовали выкупать дорогу в казну. Ибо дальше так продолжаться не могло. Вопиющий бардак! Но и тут Поляков отличился, заключив с правительством очень интересное выкупное соглашение. В нем было прописано, что Самуилу Соломоновичу и его акционерам в течение следующих шестидесяти лет правительство обязывалось ежегодно выплачивать сумму, равную среднегодовой прибыли за последние семь лет эксплуатации дороги. Любопытно? Очень. Поэтому-то Поляков и до того, держа дорогу «в черном теле», стал откровенно сходить с ума, урезая расходы до самой крайности и даже больше. Фоном же шли «малые шалости» вроде афер с углем…

– Это все? – спросил Николай Александрович, когда Кони закончил.

– Да…

– Самуил Соломонович умер и, увы, не может предстать перед судом. Поэтому я прошу вас проверить деятельность его братьев – Лазаря и Якова. Уверен, что без их деятельного участия не обошлось. Тем более что они, насколько мне известно, унаследовали все состояние покойного брата. А значит, несут всю полноту ответственности за его незавершенные дела.

– Ваше Императорское Величество, – растерялся Кони, – так не принято поступать…

– Вы знаете иной способ вскрыть этот гнойник? Если сейчас всех виновных примерно не наказать – подобные аварии будут продолжаться. И каждый новый труп окажется на нашей с вами совести. Хотим мы этого или нет. Так что берите скальпель и вскрывайте этот гнойник.

– Вы думаете, это возможно? – осторожно поинтересовался Кони.

– Не забывайте о том, что ежели в силу злого умысла, лени или головотяпства в России еще нет подходящих законов, позволяющих наказывать виновных, то всегда остаюсь я. Знаю, вам не по душе такой подход к делу. Но если мы хотим спасти многие тысячи невинных жизней, нужно довести это дело до конца, какой бы вой ни поднимали вокруг. Вы сделаете это?

– Я… я не уверен.

– Зато уверен я…

Кони ушел в странном состоянии духа. Да, дело скверное и очень громкое. Но копать дальше? Анатолий Федорович был не дурак и сообразил, что Император намекал не только на братьев Поляковых, но и на всех, кто покрывал их деятельность. Но ведь это кошмар! Ужас! Сколько уважаемых людей сядут на скамью подсудимых?! Но и какая репутация у него в случае успеха этого дела получится! И не только в России, а и в мире!

Николай Александрович же выдохнул, отпуская Кони. С великим облегчением. Потому как отложил на месяц – а может, и на два, – принятие решения по столь непростому вопросу. Несмотря на чудовищное раздражение, ему хватало выдержки не сорваться. За всеми этими людьми наверняка стоял кто-то сверху. А значит что? Правильно. Придется схлестнуться с кем-то из высших аристократов. Возможно, даже с представителями августейшей фамилии. Да чего уж там! Какое возможно? Точно совершенно. И Алексей Александрович, и Владимир Александрович вон как засуетились. Наверняка им гешефты отходили немалые.

И Посьет, и Поляковы, и прочие, несомненно, были виновны. Но они лишь вершина айсберга. Большого и опасного, от которого было несложно и апоплексический удар табуреткой заработать. Можно, конечно, все спустить на тормозах. Как оригинальный Александр III и сделал. Но это создавало прецедент, который потом сложно будет преодолеть, что в свою очередь вело к закономерному финалу с расстрелом в подвале. Патовая ситуация? Может быть. Во всяком случае, пока Николай Александрович не видел путей ее разрешения, но и не терял оптимизма…

Глава 2

1889 год, 24–27 февраля. Москва

Вот и настал день коронации, которую Николай Александрович стремился провести со всей возможной поспешностью. Его, конечно, отговаривали от столь опрометчивого решения, дескать, подожди до весны, а еще лучше до лета. Но он был непреклонен. Причин на то хватало. Начиная с ускорения формальной легализации и заканчивая большой провокацией. Как ни крути, а коронованный царь в те годы – что-то да весил в обществе. А провокация? О! Ничего хитрого в том не было. Все на виду…

Что такое коронация? Каждый скажет то, что ему ближе. Кто-то вспомнит про народные гуляния, кто-то про церковный ритуал, кто-то про пышные приемы. И все они будут не правы. Потому что коронация – это прежде всего деньги. И очень большие деньги. Поспешная особенно. И эти деньги можно освоить.

Собственно, мнения вокруг Николая Александровича разделились. Те люди, что были хоть сколь-либо здравомыслящи и смелы, пытались отговорить его от поспешной коронации, ссылаясь на то, что это очень дорого, и на то, что не сумеют наши головотяпы все толком подготовить. Александр III полтора года занимался этим вопросом, и то напряженных моментов хватало. Но были и те, кто с горящими глазами хватался за дело, предвкушая куш. Это-то нашему герою и требовалось. Тем более что нарисовались «все те же лица», то есть люди, так или иначе связанные с великими князьями – братьями Александра III. А наш герой и рад стараться. Подкидывая им бюджет и не вмешиваясь в дела. Разумеется, великие князья, как и было принято, работали не сами. У этих «товарищей» хватало подручных, таскающих им каштаны из огня с риском для собственной шкуры.

Мама, кстати, тоже держалась в стороне и наблюдала. Как кошка в засаде. Изредка навещала сына, но посматривала на него с подозрением и даже опаской. Поначалу-то она пыталась взять его в оборот, но тот постоянно выскальзывал. Раз за разом. И дело с железнодорожной катастрофой тянулось все дальше и глубже. Анатолий Федорович Кони буквально землю рыл. Не хуже крота. А теперь еще и эта странная, поспешная коронация. Она была опытным игроком, чтобы понять – сынок что-то затеял. Только что?

Так или иначе, но 24 февраля 1889 года Николай Александрович вышел из тронного зала Кремлевского дворца и направился к Успенскому собору. Небольшая прогулка по тщательно убранной брусчатке в окружении толпы людей. И вот – храм. Жаркий, душный и какой-то сальный из-за того, что в довольно компактном помещении постоянно сжигалась масса свечей и лампадного масла. Как обычно, впрочем. Эта волна духоты прямо ударила его, словно лопатой, когда он вошел внутрь. Да так, что он аж пошатнулся. Но устоял и направился дальше. Мимоходом отметив, что «выписанные» им почетные гости все-таки прибыли. Он и не надеялся, право слово. А они взяли и приехали. По правде говоря, ему и не хотелось особо их видеть. Просто решил «тыкнуть палочкой» и «позырить», зашевелятся или нет. Зашевелились. Неожиданно.

Собственно, о ком речь? О трех восточных патриархах: Александрийском, Антиохийском и Иерусалимском, которые прибыли, несмотря на возраст. А также бывшем патриархе Константинополя Иоакиме III. Почему бывшем? Потому что он был поставлен в 1878 году, сразу после победы русского оружия в очередной войне с Османской империей как последовательный сторонник России. И просидел до 1884 года. Сменивший же его в Иоаким IV был ставленником Рима и посему действовал не совсем в гармонии с российскими интересами на Балканах. Но это было бы полбеды, если бы в 1886 году его не сменил Дионисий V – ярый русофоб и туркофил, который даже в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов всячески проявлял свою позицию. И так довыступался, что его чуть местные греки не растерзали, если бы не казаки, спасшие этого «кадра». Разумеется, приглашать Дионисия Николай Александрович не стал, ибо не видел в том смысла. Он враг, открытый и последовательный. Поэтому его стали подчеркнуто игнорировать. Более того, в приглашении, направленном Иоакиму III, обращались к нему, как действующему патриарху Константинополя.

Иерархи прибыли. За деньгами, ясно дело, о чем в приглашении говорилось отдельно. Но это и неважно, ибо за кадром. Главное, что для людей верующих это было очень большим, знаковым событием. Давненько на коронации православного государя не собирались все восточные патриархи знаменитой Пентархии. Так, пожалуй, бывало лишь в первые века Византии. А вот если бы приехал еще и Папа Римский – был бы вообще фурор с «косплеем» Константина I Великого или Феодосия I и тоже Великого. Папе Льву XIII приглашение было послано, но он уклонился от визита, сказавшись больным. Врал или нет – неизвестно. Но официальных представителей своих прислал с подарками и наилучшими пожеланиями…

Николай Александрович же погрузился в долгую и утомительную службу, после которой его ждало миропомазание и возложение короны. Час, долгий и мучительный час. Могли и больше, но он сразу оговорил – после аварии плохо переносит духоту, и если рухнет без сознания, это будет на совести священников со всеми вытекающими последствиями.

Но вот – финал. На него водрузили корону, перекрестили в очередной раз и отпустили с миром. Дескать, действуй-злодействуй.

Он обернулся к народу, набившемуся в собор, и вяло улыбнулся. Наконец-то эта пытка подошла к концу. Да и вид его неловкость вызывал от всех этих аляповатых атрибутов власти. Скоро XX век уже наступит, а он вырядился этаким не то клоуном, не то павлином. На голове огромная и весьма тяжелая шапка совершенно дурацкого вида, то есть большая императорская корона. В левой руке пушечное ядро с воткнутым туда крестиком – держава. В правой – декоративная булава, называемая скипетром. На груди – роскошная цепь ордена Андрея Первозванного, заливающая блеском драгоценных металлов и камней буквально «весь фасад». А на плечах мантия таких непомерных размеров, что ходить с ней без «заносителей хвоста» было крайне неудобно.

И вот эту самую мантию бросились поправлять дяди – великие князья. Чтобы сидела лучше и складки разгладить. Да так энергично ринулись, что умудрились сорвать с него цепь ордена Андрея Первозванного.

Николай Александрович не знал, что во время коронации оригинального Николая II в 1896 году произошла та же самая неприятность из-за косорукости или злого умысла того же самого великого князя. Только тот, настоящий, Коля растерялся, и орденская цепь упала к его ногам, став знаковым предзнаменованием. А наш герой успел отреагировать и подхватил украшение правой рукой. Той самой, что удерживала скипетр. Да так энергично и быстро дернул лапкой, ловя «цепочку», что засветил Алексею Александровичу скипетром по лбу, вынудив отшатнуться и упасть на попу.

Мгновение. В соборе наступила гробовая тишина. Все-таки событие неординарное. Настоящее предзнаменование!

Император же не догадался сделать ничего лучше, чем крутануть скипетром, наматывая на него орденскую цепь, и пойти вперед с самым невозмутимым

видом. Дескать, так и задумывалось. Само собой, Владимир Александрович, что сорвал с него цепь, огреб ею по лицу во время наматывания на скипетр. Несильно. Но этого хватило, чтобы тот шагнул назад, оступился и упал. Николай Александрович же двигался вперед по коридору из людей и не обращался на шум и возню сзади. Было безумно интересно посмотреть, но он старался держать марку.

Пройдя по Успенскому собору, Император вышел на свежий воздух. С минуту простоял, пытаясь надышаться. И пошел в еще одно душное место – Грановитую палату, где все уже было готово для пира. А потом был бал. И танцы. Обновленный Николай Александрович не любил такие мероприятия, в отличие от оригинала. Он прекрасно понимал, что для высшего света балы были лишь предлогом, чтобы собраться, пообщаться и подыскать себе высокородную пассию на ближайшую ночь, а возможно, что и жену. Этакий массовый смотр всех всеми. Но поделать с собой ничего не мог – не нравились они ему. Так что довольную гримасу натянул на свое лицо с трудом.

И тут – спасение, настоящее спасение из очередной великосветской пытки – вошел дежурный офицер, сообщив, что случилась беда – давка и беспорядки. Казалось бы, Николай должен был расстроиться и опечалиться столь мрачными событиями. Но нет. Он с трудом сдержался, чтобы не обрадоваться. Какое уж тут веселье? И уже через полчаса он, верхом на коне, прибыл к месту трагедии. И сразу же влился в решение проблем и организацию помощи раненым. Более того, по его приказу поднялись солдаты Московского гарнизона, которым было поручено навести порядок в толпе. И, предотвратив давку, обеспечить раздачу подарков. Кроме того, армейцы стали ставить кухни, дабы накормить людей сытной и горячей едой, Бесплатно. За счет Императора. Все-таки столько стоят пусть и на легком, а морозе.

А сам монарх на крупном кирасирском коне курсировал по округе, чтобы «держать свой флаг» всюду. Само собой, не один, а в окружении всадников. Тут и бойцы лейб-конвоя были, и кое-кто из кирасиров да кавалергардов, что участвовали в коронационных торжествах.

Николай Александрович старался побывать всюду. Вот он снимает пробу с каши, которую должны раздать людям. А спустя совсем немного времени уже тащит носилки с раненым, помогая санитарам. Еще полчаса, и он несет надувное бревно… кхм… хотя нет, эта сцена из другой сказки. В общем, старался создать эффект присутствия повсюду. Так что уже к вечеру вся эта огромная толпа была

уверена: Император где-то совсем рядом, он с ними, он за них. Ибо видели, а потом и пересказывали с выдуманными подробностями, доходя едва ли не до сказок о воскрешении наложением рук.

День кончился. Но наш герой не угомонился. Он начал объезжать больницы, выделенные для размещения раненых, и смотреть, как идут дела. И на следующий день продолжилась «движуха», а на третий – так и вообще – он возглавил траурное шествие, в конце которого устроил небольшой, но значимый митинг.

– Я не оставлю людей с бедами один на один! Всех пострадавших будут лечить за мой счет! А ежели потребуется, то и пенсию положу! А если погиб, то ближайшему родичу пенсия будет! – громко кричал Николай Александрович в рупор так, чтобы его услышала вся толпа.

И толпа, словно древнее чудовище, реагировала, радостно ревя. Волнами. Как какой-то рокочущий монстр. Разум если и был присущ этой химере, то очень примитивный.

Еще несколько коротких, рубленых фраз. И толпа вновь взревела. И еще. И еще. Это было так просто – говорить то, что хотят услышать люди. А потом он приказал взять под стражу московского обер-полицмейстера Александра Александровича Влавского и министра двора – Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. Прилюдно. Публично. Ведь они отвечали за организацию торжеств. И не смогли все сделать по уму. А значит, должны ответить за свои злодеяния. О чем он толпе и сообщил. И вновь дикий, радостный рев. Только куда как громче, чем прежде. Толпа заколыхалась, заплескалась и натурально показалась чем-то живым и ужасающим.

Столетие назад такие же безумные монстры опустошили Париж во время Великой французской революции. А потом… вероятно… аналогичные создания терзали Россию, оставляя после себя только кровь и руины. Век бы их не видеть. Но они есть… и иногда образуются. А значит что? С ними нужно уметь договариваться, а еще лучше – использовать.

Наш герой знал о приемах взаимодействия с толпой только по книжкам и немало рисковал, готовясь к коронации. Импровизировал. Старался взять самые простые и самые эффективные приемы. Но у него все получилось. Неискушенная публика

же. А потом, еще немного погудев, толпа рассыпалась на дискретные группы, которые расползлись в разные стороны. Все-таки хоронить всех погибших на одном кладбище было невозможно, да и глупо. А Император отправился на вокзал, к поезду, где уже все паковались, дожидаясь только его.

– Коронация сорвана, – мрачно произнесла Мария Федоровна, когда ей наконец удалось поговорить с сыном наедине.

– Напротив. Она удалась.

– Удалась?! – неподдельно удивилась вдовствующая Императрица.

– Вот что было бы, пройди она нормально? Несколько заметок в газетах. Унылые лица. И немного пустой болтовни. Мы не умеем устраивать зрелище, чтобы от восторга шатало весь город и за которым с замиранием сердца смотрела вся страна. К сожалению, ни гонок колесниц, ни гладиаторских игр, ни других острых забав. Для аристократов то не диво. А простым людям что? В общем – скука. А тут невольно они создали возможность развернуться.

– Как ты можешь так об этом говорить? Погибли люди! – наигранно возмутилась Мария Федоровна, которую, очевидно, это совершенно не трогало.

– Верно. И виновные будут наказаны, – серьезно произнес Николай Александрович. – Но оно того стоило. Ты видела толпу? Ты слышала ее рев? Прекрасное зрелище, не правда ли?

– ПРЕКРАСНОЕ?! – ошалело переспросила вдовствующая Императрица.

– Да. Ощущение, словно кормишь с руки древнее хтоническое чудовище. Или даже два. Сцилла, к ноге! Харибда, голос! А потом за ушком почешешь, и это страшное, всесокрушающее чудовище урчит, словно верная овчарка. Просто удивительно… волшебно… непередаваемо…

– Ты серьезно? – дико смотря на сына, спросила мать.

– А как еще? Первым Императором, который завел себе свору таких ручных чудовищ после перерыва почти в две тысячи лет, был Наполеон Бонапарт. И вся

Европа зашаталась, едва устояв от ярости своры этих французских лягушек. И да. Сначала он пустил кровь, а потом приласкал этого побитого, скулящего монстра. Толпа ведь не ведает ни зла, ни добра. Толпа – очень примитивное животное, из каких бы гениальных людей ни состояла. Удивительная метаморфоза. Вот были профессора да академики, деятели культуры и просто образованные люди. Раз. Сбились в толпу. И вот уже зарычали, обнажив первобытное естество. И если по отдельности этих робких да застенчивых людей не стоит и опасаться, то в толпе им потребуется плотный ружейный огонь да картечь, дабы их рассеять и вновь превратить в людей. Если, конечно, у тебя хватит смелости или трусости применить оружие.

– Трусости?

– О да! Ты не знала? Самые выдающиеся примеры отваги происходят из-за приступов безнадежного, отчаянного страха, когда сознание совершенно парализуется от ужаса и перестает воспринимать угрозу трезво. Мама, крыса, загнанная в угол, невероятно опасна. Или ты этого не знала? – хмыкнув, спросил Император.

Мария Федоровна внимательно посмотрела на сына, с подозрением прищурившись. Но, не дождавшись развития темы, едва заметно фыркнула, переключаясь на смежную.

– Ты считаешь, что они виновны?

– Воронцов-Дашков и Влавский?

– Да.

– Безусловно. Кроме того, кого-то нужно скормить толпе. Почему не их?

– Потому что они положили свою жизнь служению твоему деду и отцу. Нельзя вот так взять и все перечеркнуть.

– Мама, они целенаправленно испортили мою коронацию. А тебе ли не знать, как много это значит для простых людей? Особенно в наши дни. Этот мистицизм и символизм стали совершенно невыносимы. Опийные безумцы всюду бегают и

бредят своими навязчивыми идеями, смущая честный люд.

– Ты не знаешь наверняка, нарочно они так поступили или случайно.

– Ты шутишь? Мама, я это знал в Санкт-Петербурге… еще до Рождества. При том подходе, которым они вели это дело, ничего хорошего выйти попросту не могло. Если я во что-то не вмешиваюсь, не значит, что не приглядываю. Они хотели оступиться. Я дал им эту возможность. Тут же, когда я ходил по больницам, много общался с простым народом… слушал… спрашивал… уточнял… И знаешь, что все в один голос сказывают?

– Что?

– Будто бы эти мерзавцы ни черта не делали! Понимаешь? Деньги взяли, а дела не сделали! Может быть, они и отцу с дедом так же служили? Чувствуется хватка, опыт, навык. Или, скажешь, нет?

– Жениться тебе надо, – тяжело вздохнув, констатировала мать. – Найти женщину, чтобы гасила в тебе эту злобу, что проснулась после крушения поезда. Чтобы повзрослел уже наконец и о другом думал, о семье, а не об этих мелочах.

– Боюсь, что сейчас это невозможно, – холодно произнес Император, чрезвычайно раздраженный словами Марии Федоровны. Ей-то, понятно, было бы очень выгодно, чтобы сынок занялся семьей и не мешал ей править. Впрочем, очень быстро поборов свое раздражение, он поинтересовался: – Или ты кого-то мне присмотрела?

– Присмотрела. Очень достойную девушку. Дочь графа Парижского, главного претендента на французский престол – Елену Орлеанскую.

– Вот как? И зачем она мне? – со снисходительной улыбкой поинтересовался Николай.

– Что значит зачем? – опешила Мария Федоровна от такого вопроса.

– С одной стороны, она не соответствует закону Павла Петровича и Александра Павловича. Строго говоря, брак с ней является морганатическим. Но это мелочи.

Царь я или не царь? Закон всегда можно изменить. Главное в другом. Что мы получаем с этого брака? Какая польза для империи и нашей семьи?

– Этот брак укрепит отношения России и Франции.

– Ты серьезно? – удивленно повел бровью Николай. – Во Франции республика. Каким образом брак с частным лицом, за которым не стоит ровным счетом ничего, укрепит отношения с Францией? Кроме того, Елена родилась в Англии, выросла там и, по сути, англичанка до мозга костей. А ее отец давно оставил французские дела, держась, по сути, интересов Великобритании. Она с отцом – изгои, потерявшие престол в силу бестолкового руководства их предков.

– Народ любит их!

– Ты сама-то веришь в этот бред? – насмешливо фыркнул Николай Александрович. – Вот корсиканское чудовище народ Франции действительно любит. Просто обожает. Восстань он из мертвых – через неделю бы вся Франция ему присягнула. Несмотря ни на что. А этих скорее игнорирует. И вся их мышиная возня с претендентами на престол никому не интересна. За ними не стоит ничего. С тем же успехом они могли провозгласить себя претендентами на престол Луны.

– У тебя есть кто-то на примете? – после долгой паузы спросила Мария Федоровна. Очень долгой. Сложно было сказать, задели ее слова сына или заставили задуматься, но с виду она лишь слегка нахмурилась.

– Если следовать строго букве закона, то у меня не такой и большой выбор. Сестры кайзера Вильгельма: Виктория и Маргарита. Только какой смысл в браке с ними? Улучшит ли он отношения между нашими странами? Не думаю. Германия рвется к гегемонии в Европе, и тяжелая война с ней в конечном счете неизбежна. Да и каких-то реальных, материальных выгод этот брак не несет и принести не может. Великобритания выпадает, так как у королевы Виктории все дочери заметно старше меня и давно замужем. Да и гемофилия в той крови гуляет. Дешевые портовые шлюхи и то безопаснее, чем связь с этими особами.

– Выбирай выражения! – вскинулась Мария Федоровна.

– Тебя так смущает правда?

– Это… это…

– Это простая и обыденная правда. К сожалению, потомство королевы Виктории – проклято. И гемофилия, и слабоумие, и слепота… чего там только нет. У них проблемы, как у Габсбургов. Доигрались с близкородственными браками. Но не суть. Мы отвлеклись. Кто у нас дальше? Бельгия? Да, у Леопольда есть младшая дочь – Клементина. Вполне возможный вариант, но у нее конфликт с отцом из-за того, что Леопольд не дозволяет ей морганатический брак с Виктором Бонапартом. Учитывая, что старшие дочери взбунтовались против своего отца, – весьма ненадежное дело. Вот. Кто еще? Испания, Нидерланды и Швеция выпадают – принцесс или нет, или подходящих не наблюдается. Дания – близкие родственники, да и проку никакого.

– Никакого проку? – удивилась Мария Федоровна.

– Мам, ты только не обижайся. Скажи честно, что выиграла Россия от того, что цесаревич взял тебя в жены? Денег ей добавилось? Земли? Заводов? Или, может, какой-то союз важный удалось укрепить?

– А разве союз не стал основой этого брака?

– Союз против кого? Против Германии. И выгоден он был в те годы только Дании. Россия же до того, как Бисмарк предал ее в 1878 году, держалась дружбы и союза с ней. Россия была нужна Дании для защиты от немцев, а Дания России – для защиты от англичан, с которыми мы традиционно были не в ладах. А теперь, положа руку на сердце, скажи, кого бы выбрала Дания, начнись война между Россией и Великобританией? Только честно.

– Точно на это ответить нельзя.

– Можно, мама. Можно. И ты прекрасно знаешь, что Дания предала бы интересы России без всяких сомнений. Ибо английский флот сильнее русского. Вошел бы в проливы и закрыл их от нас, совершенно обезопасив Данию от русских штыков.

– Допустим… – нехотя согласилась Мария Федоровна.

– Какие еще претенденты?

– Черногория.

– На кой бес нам эти «тридцать три квадратных метра головной боли»?

– Чего, прости?

– Черногория – это ничто. Крохотный клочок земли, лишенный каких-либо ресурсов. Брак с черногорской принцессой станет дырой в бюджете и кандалами на ногах. Им выгодно, нам обуза. Аналогично обстоит дело с Сербией, Румынией и Болгарией, будь у них даже подходящие девицы. В Греции еще хуже – близкие родственники, – произнес Николай Александрович и, тяжело вздохнув, подытожил: – Вот так и выходит, что, следуя закону предков, мне нельзя жениться, ибо не на ком.

– Остаются еще германские княжества.

– Нет, не остаются. Они не являются самостоятельными правителями. После 1871 года, во всяком случае. Брак с девицами их домов суть то же самое, что брак моего деда с Долгоруковой. – Дагмара от этого упоминания вздрогнула, как от оплеухи. Ведь княжна Долгорукова была любовницей Александра II и чуть не стала Императрицей, оттесняя от престолонаследия будущего Александра III – супруга Марии Федоровны. Больная для нее тема. Очень. – Да и толку России от этих браков? Пустая возня. Нужно менять закон или вовсе его отменять, ибо в нынешнем виде он совершенно не пригоден к делу.

– И как же ты его хочешь менять?

– Пока не решил. Однозначно только одно – браки членов августейшей фамилии должны приносить пользу империи. Реальную, ощутимую, материальную пользу. Землю, деньги, заводы… хоть что-то. Либо улучшать кровь.

– Улучшать кровь?

– Да, мама. Улучшать. Или ты думаешь, что близкородственные браки, которыми развлекаются веками все аристократы в Европе, не ведут к вырождению наших домов? Пять колен, мама. Пять колен должно быть между будущим мужем и женой, чтобы не накапливался негативный эффект. И не плодились хворые

телом или душой более обычного. Поэтому время от времени надобно выбирать в невесты девушек породистых не по происхождению, а по экстерьеру или личным качествам. Ведь наследники берут свой облик и таланты не только от отца, но и от матери. Вспомни супругу Павла Петровича. Она была настоящим гренадером по росту и размаху плеч. Сам же Павел – деятельный малыш. Какими стали их дети? Вот! – назидательно поднял он палец. – С умом, талантами и характером то же самое, что и с внешностью. Берешь в жены забитую, безвольную серую мышку и имеешь все шансы получить таких же детей. А удержат они власть? Смогут ли сохранить династию? Ой сомневаюсь.

– Ты говоришь страшные вещи, сынок, – очень тихо произнесла Мария Федоровна.

– Правда всегда страшна и никому не интересна. Но если ты не хочешь, чтобы твоих внуков революционеры расстреляли в каком-нибудь грязном подвале, – тебе стоит над ней подумать.

– Почему в подвале?

– А тебе больше по душе гильотинирование при большом скоплении народа? Чтобы толпы черни потом веселились, нацепив отрубленные головы на палки и потрясая ими на потеху окружающим? Не забудь бунтовщикам об этом сообщить, а то еще перепутают.

– Сынок!

– Ты забыла судьбу Марии-Антуанетты? Ты забыла о том, какой кровью была залита вся так любимая тобой Франция? Ты забыла о том, что высокородных дам революционеры сначала коллективно насиловали, а потом раздирали на части и бегали по улицам с кусками их тел и органов? И это – просвещенная Франция! А у нас – Россия, в которой, как известно, бунты славны безжалостностью и беспощадностью.

– Ты очень сильно изменился, – покачав головой, произнесла вдовствующая Императрица. – Очень…

– Считай, что там, в поезде, меня уронили, и я наконец вылупился из яйца. Слишком прочная скорлупа. Без посторонней помощи не выбраться было.

– Ты полагаешь, что так ведут себя цыплята? – горько усмехнулась Дагмара.

– Из яиц не только они вылупляются. Или ты забыла, кто изображен на гербе Романовых? Грифон, мама. Грифон. Это чудовище с мощным клювом, сильными крыльями и могучими лапами, полными стальных когтей. Рядом с ним никто не может быть в безопасности… кроме матери. – Мария Федоровна вопросительно выгнула бровь, задавая молчаливый вопрос. Николай Александрович же улыбнулся, но развивать эту тему не стал. Сказано и так достаточно…

Глава 3

1889 год, 8 марта. Санкт-Петербург

Когда Николай Александрович вернулся в столицу, она напоминала растревоженный улей. Все обсуждали коронацию и громкие аресты. Аресты! Настоящие! Целый министр и глава полиции Москвы взяты под стражу! Невиданно! Неслыханно! Невероятно! На фоне этих новостей даже «дело железнодорожников» отошло на второй план, став не таким острым и злободневным. Ведь там никого не задерживали – все фигуранты находились на свободе.

Кто-то Императора ругал, дескать, не ценит уважаемых людей. Кто-то хвалил, восторгаясь тем, что наконец-то пришел тот, кто разгонит ворье и наведет настоящий порядок. Кто-то дрожал как осиновый лист, опасаясь привлечь к себе внимание. Большинство же были просто шокированы и возбуждены, увлеченно обсуждая эту тему. В этот вопрос погрузилась буквально вся страна – от мала до велика. И студенты, и солдаты, и профессора, и генералы. Невиданный прежде скандал приковал внимание каждого. Но, как и водится при таких перегревах, накал быстро стал спадать. Сенсация ведь товар скоропортящийся…

А тем временем Николай Александрович готовился для следующего удара по своим недругам. Главное – опережать и удерживать стратегическую инициативу. То есть управлять сценарием происходящего, а не выжидать.

Ожидаемый провал коронации был обставлен публичным кризисом и скандалом. Крайне неудобным для оппонентов Императора. И они, безусловно, пытались придумать, как его разрешить малой кровью. Ну и само собой, готовились к возможному повторению выходки «буйного самодержца». Но он не собирался повторять. Он стремился удивлять. Поэтому и заявился в гости к великому князю Алексею Александровичу прямо на заседание Морского ведомства, которое тот возглавлял. Нагрянув стремительно и внезапно. Без предупреждения. Как и полагается проводить проверки, ибо те, о которых сообщают загодя, толку обычно не приносят. Бестолковая возня. Сначала одни энергично «возводят потемкинские деревни», а потом другие с умным видом осматривают их и делают вид, что что-то там действительно проверяют. Цирк, да и только. Настоящая проверка должна быть резкой и внезапной, как понос.

Великий князь Алексей Александрович формально был заслуженной, почти героической фигурой. С десяти лет в море. Много путешествовал. Побывал даже в кораблекрушении, где не струсил и повел себя достойно. И даже военные заслуги имел во время войны 1877–1878 годов.

На первый взгляд – идеальный кандидат, прекрасно подходящий стареющему Константину Николаевичу на замену. Но при ближайшем рассмотрении всякий энтузиазм в отношении великого князя пропадал совершенно.

Да, много бывал в море. Но ходил он на парусных судах и, в сущности, парадным офицером, от которого ничего толком не требовали и делать не заставляли. Из-за чего его скорее можно было назвать любителем морского туризма, чем моряком. Хуже того – в современном железном флоте ничего не смыслил и разобраться не спешил. А тот боевой опыт, что он получил, был не военно-морской, а скорее относился к понтонной команде. Полезный, безусловно. Но к делу, ему порученному, не имеющий никакого отношения. Да и все, кто его знал, утверждали – человеком Алексей Александрович был сугубо штатским в самой безнадежной крайности. Все вокруг были абсолютно убеждены – одна лишь мысль провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку.

Усугубляло ситуацию то, что Алексей Александрович был безнадежным бабником, спускавшим на своих любовниц целые состояния. А деньги имели свойство заканчиваться. Вот великий князь и наведывался изредка в Санкт-Петербург, дабы пополнить свои запасы финансов. Появится. Пройдется по обязанным людям. Соберет «подарки». И обратно к месту постоянного проживания – за границу, бухать, гулять и вести красивый образ жизни самым

безудержным образом.

В ведомстве, что ему поручили, творился натуральный бардак. А делами всеми заправляли почитатели гешефтов не хуже Полякова. То есть ладно бы генерал-адмирал воровал. Черт бы с ним. Это неизбежное зло. Нет. Этот мерзавец умудрялся и дело похерить, ему доверенное.

Все было настолько мрачно и беспросветно, что Император даже невольно стал подумывать о происках иностранных разведок. Тех же англичан или немцев. Но, подумав, отказался от этой идеи. С этим балбесом и врагов не надо. Сам все испортит без лишней помощи.

Почему Николай Александровича выбрал именно генерал-адмирала? Потому что он был самым уязвимым из четверки братьев покойного Александра III. Прежде всего тем, что Константин Николаевич Посьет, один из главных фигурантов «дела железнодорожников», был всецело его человеком, перейдя из «моряков». А значит, по мере муссирования расследования Кони генерал-адмирал неоднократно фигурировал в светских сплетнях в самом разном виде. В том числе и весьма нелицеприятном, ибо его похождения не были секретом ни для кого.

Ну вот и заветная дверь. Заседание только началось. Николай Александрович глубоко вдохнул, выдохнул и, энергично толкнув створки, вошел.

– Добрый день, господа. Надеюсь, мое присутствие не помешает?

– Ваше Императорское Величество? – удивленно произнес управляющий по Морскому министерству Николай Матвеевич Чихачев. Человек деятельный, энергичный и инициативный, но скорее по вопросам коммерческого характера, чем военно-морского. Что, впрочем, ему нисколько не мешало в карьерном продвижении по этому водоплавающему ведомству. Скорее, напротив.

– Проходил мимо, подумал, дай зайду. Признаться, стало интересно послушать разговоры умных людей о кораблях. Они ведь в наши дни – хай-тек, как говорят американцы, так как идут на острие научно-технического прогресса. Гордость и достояние любой державы. Но вы продолжайте, постараюсь вас не отвлекать, – произнес наш герой и скромно сел прямо напротив Алексея Александровича.

Николай Александрович не был военным моряком там, в XXI веке, до вселения в тело цесаревича. Но с этой темой сталкивался много и обильно. Брат у него был к этому вопросу всецело причастен, будучи настоящим фанатом не только флота, но и военно-морской истории и всего, что с этим связано. Как соберутся, так он на уши и присаживался. И хорошо рассказывал, интересно, посему сидел там твердо и уверенно. Наш же герой, не понаслышке знакомый с промышленным производством и серьезным, крупным бизнесом, мог оценить массу деталей, непонятных брату. Так что хоть формально он и не был причастен к теме, но вполне мог «забраться на броневичок» и прочесть очень достойную лекцию на многие общие вопросы, связанные как с военным судостроением, так и собственно военным делом на море. Больше, правда, ориентируясь на Первую и Вторую мировые войны, но и про ранний период «пароходов» ему было что сказать.

И вот началось заседание. Формально-то продолжилось, но присутствие Императора резко поменяло его характер и формат. Изначально-то что задумывал Николай Александрович. Послушать. Посмотреть. Сделать заметки. Да натравить на «любимого дядюшку» Кони. Не прямо. А на его людей, выбивая из-под ног почву, деньги и реальную власть. Однако с каждой минутой этого заседания Императора все сильнее и сильнее выводили из себя. Слушать ЭТО было просто невыносимо.

Эти удальцы догадались морочить голову через обильное употребление специфической терминологии. Но братец постарался, и Николай Александрович прекрасно понимал «иноземную речь» этих господ. И то, что скрывалось за их словесами. Больше всего Императора разозлил местный авторитет – полковник по Адмиралтейству Обручев. Тот красиво и увлеченно вещал о великой пользе для России от сооружения военно-морской базы в Либаве, прямо на границе с Германской империей.

Брат начальника Генерального штаба Николая Николаевича Обручева мог себе это позволить. Император – нет. Ибо слышал лишь бравурный лепет. Да, у Николая Александровича было знание сценария Первой и Второй мировых войн. Из-за чего кому-то его суждения покажутся предвзятыми. Но и тех сведений, которые имелись у местных обитателей, было достаточно для признания идеи создания главной военно-морской базы в Либаве полным бредом. Феерическим. И если не предательством, то лучшим способом освоить огромный бюджет на строительстве без всякой пользы для державы. В военном плане, во всяком случае.

Полноценная военно-морская база – это не причал, куда кораблики швартуются. Это мощная инфраструктура со складами и ремонтно-восстановительными мощностями, которые требуют серьезнейшего тоннажа регулярных поставок. То есть, даже если накрутить там мощную крепость, толку с этого не будет. Без постоянной и живой связи с остальной державой такой порт просто парализует. А потому ставить его на границе с Германией феерический бред. Торговый порт – да, там был нужен. Но никак не военный, а если и военный, то максимум – опорная передовая база и не более.

В общем, очевидные вещи. Даже людям, далеким от этой темы. Поэтому, очень скоро не выдержав, Император стал задавать вопросы. Без агрессии. Без напора. Просто очень неудобные и точные. И полковник посыпался. Быстро-быстро. Потому что не знал, что отвечать. Поначалу-то он пытался убеждать Николая Александровича в своей правоте. Но вскоре «поплыл» и попытался «соскочить», «переведя стрелки». Его постарались поддержать и прикрыть товарищи. Император стал задавать вопросы уже им. И пошло-поехало. Увлекся. Алексей Александрович же все это время по большей степени молчал и, тяжело пыхтя, наблюдал за происходящим. Аккурат до того момента, как раздраженный племянник не соизволил обратить на него внимание и не стал мучить уже его.

Прекрасно понимая, что начальник Морского ведомства не обязан владеть всеми деталями, Николай Александрович мучил дядю на общие темы. Как, да что, да почему. И тот «плыл» хуже, чем полковник Обручев, и вел себя как бестолковый студент на экзамене. Почему бестолковый? Потому что толковый, даже если не знает чего-то, старается домыслить или в крайнем случае придумать, предположить. Во всяком случае, пытается. Хотя бы даже и через ответ на другой вопрос, дескать, не так понял. А тут – красное лицо, обильная испарина и чуть ли не паника в глазах. Детский садик, в общем.

– Медика! Срочно позвать медика! – рявкнул во всю глотку Император, резко прерывая заседание.

– Изволите послать за лейб-медиком? – осведомился дежурный офицер, влетевший на крики в зал.

– Нет! Любого! И скорее!

– Слушаюсь! – козырнул офицер и, щелкнув каблуками, вышел вон. А спустя минут десять напряженной тишины в помещение вбежал запыхавшийся врач с встревоженным лицом.

– Ваше Императорское Величество, – поклонился он. – Вам плохо?

– Не мне. Моему дяде, генерал-адмиралу Русского Императорского флота сделалось дурно. Полагаю, ему надлежит немедленно приступить к лечению и отдыху при особом питании.

– Ох… – выдохнул врач.

– Анамнез, – меж тем продолжил Император, – вызывает подозрение на фимоз головного мозга, вызванный ожирением совести.

– Что, простите? – переспросил врач с совершенно непередаваемым выражением лица.

– Фимоз головного мозга, – повторил Император. – Насколько мне известно, при подозрении на такое заболевание рекомендуется изолировать больного от окружения, дабы не способствовать нервическим расстройствам. И особое внимание уделять рациону из овсянки и чистой родниковой воды, да и то – в небольших количествах.

– Вы полагаете? – с трудом сдерживая улыбку, переспросил врач.

– Во всяком случае, хуже не будет, – пожав плечами, произнес Император. – Так что, доктор, вся надежда на вас. Вручаю вам жизнь и здоровье моего любимого дядюшки. И проследите, чтобы все было исполнено надлежащим образом…

Не прошло и четверти часа, как генерал-адмирал с красным как помидор лицом отправился в свой дворец с запретом его покидать до окончания лечения. Диету, разумеется, соблюдать он не станет. Но это и не требовалось. Как оказалось, уже вечером о диагнозе великого князя знал весь Санкт-Петербург…

Новый скандал. Новая сенсация. И вновь Император в центре внимания. И вновь удар по столь высоко сидящему сановнику. Да какой! К концу третьего дня от

события вся страна уже смаковала новый диагноз генерал-адмирала и его прегрешения реальные и мнимые. Поэтому мало кто обратил внимание на небольшое, но очень важное событие, что произошло в тот же день в Санкт-Петербурге. А именно утверждение Императорского комиссариата государственного контроля, во главе которого встал Победоносцев. Само собой, покинув пост обер-прокурора Святейшего Синода.

Константин Петрович был знаковым человеком эпохи. Будучи наравне с Михаилом Катковым, серым кардиналом правительства Александра III, стоял всецело за контрреформы его предшественника. Воспитатель и усопшего монарха, и новоиспеченного. Помимо управления «государственным православием», он играл ведущую роль в определении политики в области народного просвещения, национального вопроса, а также внешней политики. Именно он и был автором приснопамятного закона «о кухаркиных детях». Именно он стоял за разжиганием антисемитизма в России до совершенно удивительных высот, когда империя могла похвастаться сомнительным превосходством в первенстве по погромам и прочим мерзким делишкам. Что в конечном счете и определило самое деятельное участие этого этноса в подрывной, революционной деятельности.

В общем, кадр колоритный и, без всякого сомнения, удивительной разрушительной силы. Такого на пушечный выстрел к труду созидательному было нельзя допускать. Несмотря на красивые речи. При этом он не являлся врагом России, как и мерзавцем, что подобно Посьету или Алексею Александровичу манкировали своими обязанностями. Нет. Он был абсолютно убежден в том, что поступает правильно… и потому злодействовал самозабвенно, энергично и с энтузиазмом. Наломав к 1889 году уже немало дров.

Вот Император и решил воспользоваться гением этого природного злодея. Пусть проверяет работу других. И докладывает лично ему. И подчиняется лично ему. Он, конечно, оказался не в восторге от нового дела…

– Константин Петрович, вы поймите, мне просто больше некому доверить это дело. Ибо либо трусы, либо балбесы, либо и то, и другое одновременно. Вы же не хуже меня понимаете – беда пришла в Россию. Падение нравов отразилось на всем вокруг. И прежде всего на делах. Отсутствие крепкой веры в сердце ведет к самым мрачным мерзостям. Кому, как не вам, доверить это? Никто больше не справится.

Победоносцев промолчал, борясь с эмоциями. Обида из-за снятия с должности по церковному ведомству была сильна.

– Подумайте, Константин Петрович, – меж тем продолжал Император. – Я вас не неволю и не тороплю. Нет так нет. Бросите меня в столь тяжелые дни, посчитав недостойным дело, что я вам доверить хочу? Так и пусть. Не обижусь. Ибо понимаю… все понимаю… А теперь ступайте. Возьмите назначение и ступайте. Не примете – так и сожгите…

Победоносцев ушел. А уже утром следующего дня вышел на работу. В новом статусе. И принялся сразу же за Морское ведомство, как Император и просил. Именно просил, сетуя на то, что дела там запущены до совершеннейшего запустения, а осатаневший от своей безнаказанности Алексей Александрович спускает броненосцы на своих баб. Образно говоря. В формате стоимости.

Был ли уверен Николай Александрович в том, что этот гений реакции сможет разобраться в хитросплетениях Морского ведомства? Нет. Он вообще не сильно надеялся на то, что Победоносцев справится. Полагая, что Кони в принципе нужен кто-то для конкуренции. А именно его он хотел натравить на ведомство следом. А Константин Петрович? Он был предельно опасен для Императора из-за своих убеждений и веса в обществе. Его требовалось как можно скорее куда-нибудь утилизировать. Вот Николай Александрович и решил столкнуть этого экзальтированного психа с врагами Императора. Погибнет? Не беда. А хоть немного пожует супостатов – польза великая. Главное же, что в этой борьбе просядет и его общественный статус, растеряется и его общественный вес.

Понимал ли это сам Победоносцев? Неизвестно. Но Морское ведомство застонало в голос от того, с какой отчаянной яростью на него напрыгнул этот проверяющий…

Глава 4

1889 год, 12 марта. Санкт-Петербург

Фактический домашний арест великого князя, да еще в такой оскорбительной форме, взбудоражил не только всю общественность России. Нет. Прежде всего он растревожил августейшую фамилию, которая настояла на скорейшем семейном совете…

Николай Александрович вошел в помещение последним и едва не присвистнул. Здесь были все. Вообще все. Кроме совсем уж детей. Прибыли даже те родственники, что постоянно проживали за границей. Неслыханное дело! Разве что Алексей Александрович не мог присутствовать из-за домашнего ареста, от которого его никто не освобождал.

В общем, прошел Император в помещение. Сел удобнее. То есть так, чтобы никто сзади не подошел. И началось…

Буквально каждый считал своим долгом донести до Императора, что это позор, что нельзя вот так взять и посадить под домашний арест члена августейшей фамилии, да еще столь мерзко публично оскорбив. И по кругу. И заново. Дескать, теперь не отмыться перед обществом. Теперь о членах фамилии будут думать черт знает что!

– А что, – наконец произнес Николай Александрович, – когда член августейшей фамилии открыто гуляет по всей Европе со шлюхами, спуская на них огромные деньги, это не позор? Не позор, когда великий князь устраивает пьяные дебошы в публичных местах?

– Это не то! – воскликнул великий князь Сергей Александрович.

– ЭТО ТО! – рявкнул Император, заставив всех удивленно замолчать. Тихий, милый и застенчивый Ники «подал голос», да так, что завибрировали окна от этого выкрика. – Совершенно неприемлемое поведение дядюшки поставило под сомнение наше благородство, оно словно говорило обывателям – вон, смотрите, какие эти августейшие особы. Что твой пьяный матрос, вернувшийся из дальнего плавания. И мужчины, и дамы. Все. Из-за выходок нашего горячо любимого дядюшки все вокруг считают нас ничтожествами! Все, включая многих дворян, что честно пытаются служить империи, а не кутят по ресторанам, борделям да театрам в безудержном празднике жизни. Какой пример окружающим показывает Алексей Александрович? Пьянствуй, блядствуй и воруй у своих?

– Сынок! – воскликнула вдовствующая Императрица. – Что ты такое говоришь?!

– Причесанную и адаптированную версию, чтобы не поранить тонкую душевную организацию. Про дядю же нашего Алексея Александровича люди такое говорят, что и пересказывать тошно. Его поведение – позор! Настоящий позор! Или вы скажете, что о британском королевском доме говорят что-то подобное? Многие члены их фамилии себе такое позволяют?

– И все равно, – хмуро произнес Владимир Александрович, – нельзя было с ним так поступать. Это урон чести! Несмываемый!

– Дядя, вы хотите утонуть?

– Что?

– Алексей Александрович жил на средства Морского ведомства во Франции широко и богато. А чтобы деньги добывать, в Морском ведомстве развел ворье, которое лишало корабли наши должного содержания. Вот и представьте, дядя. Пошли бы вы на таком корабле по Финскому заливу. А он возьми, да и утони, ибо не имел надлежащего ухода, выучка же экипажа под стать слугам или официантам, умело полирующим блестящие поверхности. Вот я и спрашиваю, дядя, вы хотите утонуть? Или предпочитаете не плавать на российских кораблях?

Владимир Александрович ничего не ответил, нахмурившись. Император же продолжил:

– Почему при Константине Николаевиче этого не было? Почему он себе не позволял таких выходок? Что помешало ему воровать столь чудовищными объемами у своих? Да, человек слаб, дядя. Любой. Каждый из нас. И слабость можно простить. Однако не стоит путать слабость с преступной распущенностью, которая вредит всем нам…

Благодаря этому спичу разговор резко сменил свой формат. Настолько, что Николай Александрович в дальнейшем практически в нем не участвовал, лишь время от времени делая острые и очень болезненные уколы своими вопросами и ремарками. Основной же диспут завязался между Константином и Михаилом Николаевичем, с одной стороны, и Владимиром Александровичем – с другой,

подпираемым своими сторонниками.

Тут нужно пояснить, что и Константин Николаевич, и Михаил были с детьми Александра II если не на ножах, но в весьма напряженных отношениях. Ведь после того, как Александр III взошел на престол, их серьезно подвинули. А в 1886 году, после принятия закона об императорской фамилии, так еще и по потомству их ударили.

Константин Николаевич, к примеру, был в 1881 году отстранен от руководства Морским ведомством. Весьма недурным, надо сказать, руководством. И отправлен в бессрочную отставку. Михаил Николаевич же был снят с должности наместника на Кавказе и вроде как повышен до председателя Государственного совета. Но там, на Кавказе, у него были и реальная власть, и свои люди, и большие финансовые поступления. А здесь, в Санкт-Петербурге, он превратился в парадного генерала, который был буквально повязан по рукам и ногам. Так что им хотелось бы многое вернуть. И этот намек Императора они прекрасно поняли.

Единственным сыном Николая I, который буйствовал и отчаянно отстаивал невиновность Алексея Александровича, был Николай Николаевич. Да и то он так действовал только потому, что имел очень близкое положение. Ведь в 1882 году Александр III наложил арест на имущество этого великого князя из-за того, что тот вел слишком расточительный образ жизни. Гулял, пил и по бабам лазил без всяких тормозов и ограничений.

Официальной причиной столь дикого поведения была злокачественная опухоль десны, давшая метастазы в головной мозг. Но, зная нравы великих князей, Николай Александрович сильно сомневался в этом. Да, опухоль десны вполне могла иметь место. Но она вряд ли была виной такому вызывающему поведению… Особенно если знать одну любопытную деталь. В конце войны 1877–1878 годов Александр II не позволил брату занять Константинополь. А ведь его уже никто не защищал и достаточно было только войти. Остановил в Сан-Стефано экстренной телеграммой. Вот Николай Николаевич с тех пор и в депрессии. Ведь ему обломили совершенно невероятный триумф – освобождение Константинополя, одного из трех наиболее значимых христианских городов, – из векового плена магометан. С тех печальных дней Николай Николаевич и пошел вразнос, словно с цепи сорвавшись. И закономерное наказание в 1882 году принял как новое желание его унизить и оскорбить. Поэтому, углядев в Алексее Александровиче собрата по несчастью, бросился с яростью его защищать. Как самого себя.

Так и сидели.

Николаевичи с Александровичами увлеченно ругались, стараясь не скатываться к откровенному мату. Император и его мама больше наблюдали за этим цирком. А остальные члены августейшей фамилии разделились между полюсами. Среди Александровичей только у Владимира были дети, но мало. А вот у Николаевичей потомства хватало. Из-за чего их сторона выглядела более значимой.

Однако такое положение дел не вводило Императора в чувство блаженных иллюзий. Он прекрасно знал, что за Александровичами стоит как минимум львиная доля флота, гвардия и столичный военный округ. Благодаря прикормленным людям, обязанным им карьерой и положением, связывающим свое будущее с этими великими князьями. То есть, несмотря на малочисленность, реальная власть была за ними, во всяком случае, в столице.

Поэтому-то Император сам и не стал с ними особенно собачиться, позволив заслуженным, но серьезно ослабленным в политическом плане старикам отчитывать дураков-племянников. Внемлют? Нет. Без всякого сомнения. Но Николаю это и не требовалось. Он вел другую игру. Из-за чего Мария Федоровна бросала на сына задумчивые, подозрительные взгляды. Она, очевидно, не понимала цель всей этой буффонады…

Глава 5

1889 год, 14 марта. Санкт-Петербург

Семейный совет закончился ничем. Августейшие особы не сумели договориться. Скорее окрысились друг на друга. Чего, среди прочего, Император и добивался.

А так как никакого единого мнения по провинившемуся генерал-адмиралу составить не удалось, Николай Александрович начал действовать самостоятельно. По своему усмотрению. То есть 13 марта 1889 года был подписан указ об отстранении великого князя Алексея Александровича от всех должностей и снятия со всех постов по состоянию здоровья. Более того, ему

надлежало пройти комплексное обследование у ведущих медицинских светил, которых требовалось пригласить в Российскую империю. Когда-нибудь. А до того он садился безвыездно в своем дворце на набережной Мойки, придерживаясь строгой «лечебной диеты» и предельно суровой изоляции. Ни гостей принимать, ни письмами обмениваться ему не разрешалось. Сиди, жри овсянку на воде да читай книжки. И ни на йоту больше. Более того, дам нетяжелого поведения туда также не пускали, а слуг женского пола заменили мужчинами, утвердив для великого князя строгое воздержание.

Суровое наказание для человека, который привык жить весело, пышно, безудержно и ни в чем себе не отказывать. Очень суровое. Даже смертная казнь и то была бы гуманнее. Но Николай Александрович сделал то, что сделал, не просто так. Опальный генерал-адмирал должен был выполнять роль «красной тряпки» в предстоящей комбинации.

А чтобы все еще сильнее усугубить, он поставил новым командующим Морского ведомства великого князя Константина Николаевича. Своего двоюродного деда, который и руководил военными моряками с 1853 по 1881 год. В самый сложный и ответственный момент истории. Фактически именно Константин Николаевич и стоял у истоков русского парового флота. Конечно, и до него тоже ходили пароходы под Андреевским флагом, но их было очень мало. Он в кратчайшие сроки модернизировал имеющиеся линейные корабли и фрегаты в парусно-винтовые «посудины». А потом, с началом броненосной лихорадки в 1860-е годы, занялся этим новым и перспективным направлением. А так как промышленность в России в те годы была на организационном и технологическом уровне XVII века, то ему, по сути, пришлось с нуля создавать целый комплекс судостроительных предприятий, без которых строительство броненосного современного флота было бы невозможно. И знаменитый рывок империи в 1880–1890-е по военному судостроению – всецело его заслуга.

В 1881 году его уволили и за минувшие годы многих его ставленников уже подвинули. Однако не всех. Да и подвинутых можно вернуть. Кроме того, связи с промышленными и инженерно-техническими кругами у него оставались. Конечно, тот же Путилов Николай Иванович, звезду которого зажег Константин Николаевич, уже умер. Но хватало и других деятелей, общение с которыми у бывшего главы Морского ведомства не прерывалось.

Его назначение отлично сочеталось с ударом силами Победоносцева. Император был уверен – эти двое смогут в кратчайшие сроки перетряхнуть все Морское ведомство. А вместе с тем и лишить клан Владимира Александровича реальной поддержки среди моряков. И денег, что Морское ведомство позволяло откачивать из казны в их интересах. Ведь Алексей Александрович прогуливал в Париже далеко не все.

И все бы ничего, но Николай Александрович изначально не планировал так поступать. Это все вышло спонтанно. Не удержался. Нервы сдали.

Первый удар по слишком сильному и крайне опасному клану своего дяди он планировал нанести через Военное ведомство. Ведь солдаты – вот они, а корабли в стороне. Поэтому еще в Москве после коронации вызвал телеграммой из Крыма бывшего военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина. Без всякой надежды, впрочем. Тут и годы у него были немалые, и обида, полученная в 1881 году, – существенна. Да и последующая травля консервативными силами мало хорошего несла. Так, на всякий случай отбил телеграмму и начал искать кандидата помоложе и сговорчивее. А Милютин взял и прибыл 14 марта в Санкт-Петербург. И без всякой раскачки сразу поспешил на прием к монарху.

Николай Александрович еще там, в XXI веке, знал о том, что Милютин, уйдя в отставку, продолжил бумажную работу в своем крымском имении. И даже читал кое-какие из этих трудов. Так, выборочные фрагменты для ознакомления. И находил его размышления, несмотря на возраст и специфическую эпоху, весьма трезвыми и адекватными. Да чего и говорить? Милютин уже в 1890-е годы прорабатывал концепцию употребления автомобилей на войне. В 1890-е! В то время как и двадцать лет спустя, вплоть до начала Первой мировой войны, ни один генералитет мировых держав не видел в них особого смысла. Максимум – генеральскую задницу возить.

Именно этому человеку в свое время выпала тяжелая участь расчистки «авгиевых конюшен «Николаевской армии». Той самой, что «блистательно» проиграла Крымскую войну. Он был тем, кто принял армию, законсервированную в эпохе Наполеоновских войн, и оставил ее во вполне современном состоянии. Именно созданное им армейское устройство с незначительными изменениями воевало в Русско-турецкую 1877–1878 годов, в Русско-японскую, в Первую мировую… и даже в Великую Отечественную. Ведь РККА была построена на фундаменте Русской Императорской армии, которой и подражала. Да, конечно, после того, как в 1881 году Милютина отправили в отставку, наша армия пошла

весьма заковыристым путем. Но не он тому виной. «При нем такой фигни не было…»

Сменивший Милютина Ванновский не был таким уж плохим министром. Нет, отнюдь. Он просто по своему духу, характеру и образованию совершенно не подходил на эту должность. Ведь на дворе была эпоха безудержного научно-технического прогресса. Эпоха, про которую конструктор-оружейник Федоров позже скажет, что в эти годы оружие уже успело получить нарезы, а мозги генералов – нет. Ванновский был неплохой генерал. Он просто категорически не поспевал за эпохой, не мог поспеть и не видел в этом смысла. Из-за чего выглядел изрядным обскурантом и якорем, тянущим Русскую Императорскую армию назад…

– Добрый день, Ваше Императорское Величество, – произнес не по-старчески бодрый и подтянутый генерал, «упакованный» по полной программе. Прибыл он в старой форме с погонами, которые украшали вензеля Александра II. Вполне правомерный шаг. Он ведь служил при нем. Да и форму имел право носить. В том числе и ту, старую. Что специально и подчеркнул, явно настраиваясь на сложный и неприятный разговор.

– Дмитрий Алексеевич, – вполне благожелательно произнес Император. – Проходите, присаживайте. В ногах, как говорится, правды нет.

– А в чем она есть, Ваше Императорское Величество?

– В делах, Дмитрий Алексеевич. В делах. Ибо сказано – по делам их узнаете. Давайте не будем ходить вокруг да около. Я вызвал вас, чтобы вы вернулись на боевой пост. Не прошло и десяти лет с вашего ухода, как наша армия вновь зарастает коростой, стремясь к блаженному состоянию болота или, если вам будет угодно, авгиевых конюшен.

– Я уже стар, Ваше Императорское Величество, – уклонился от прямого ответа Милютин, хотя в его глазах вспыхнул живой интерес.

– Знаю. Но кто, если не вы? Этот воинственный клоун Драгомиров? Пустой служака Ванновский? Кто? В наши дни нужно отчаянно бежать вперед, чтобы просто не свалиться с корабля современности. Научно-технический прогресс неумолим и не дает никому спуска и поблажек. А эти тупые бараны все за

старину цепляются своими кривыми рогами.

– И как вы видите будущее? – осторожно спросил Милютин.

– Понимаю ваши опасения, – улыбнувшись, ответил Император. – Армия с каждым годом будет все сильнее и сильнее насыщаться техническими средствами и новыми видами вооружения. Например, прямо сейчас я вижу острую необходимость в том, чтобы на корпусном уровне создать постоянные парки паровых дорожных тягачей. Их много производят в Великобритании и Соединенных Штатах. Этот шаг позволит не только увеличить обоз в плане весовой нагрузки, но и уменьшить его протяженность на дорогах, что поднимет подвижность всего соединения.

– О… – выдохнул Милютин, подавшись вперед.

– В будущем, конечно, появятся более интересные виды техники. Например, весьма прогрессивный двигатель Отто сейчас работает на газе, но ничто не мешает адаптировать его к другим видам топлива. Например, к керосину или сырой нефти. Что, в свою очередь, позволит изготавливать более компактные, легкие и удобные в управлении двигатели, нежели паровые машины. А это даст нам новые технические средства. И более компактные, но мощные тягачи, и воздухоплавательные машины, что в корне перевернет все представление о войне.

– Ваше Императорское Величество, я никогда не слышал, чтобы вы увлекались техникой. Вот ваш брат – да. И я безмерно рад, что вас это волнует.

– Да, Дмитрий Алексеевич. Волнует. И мои представления о технике и ее роли в армии необычны, непривычны и в корне противоречат современному понимаю военной теории. Ведь тот же Драгомиров за что стоит? Чтобы оттащить нас в старину далекую. Отбросить все новшества и воевать, как древние варвары, на одной лишь силе духа. Против туземцев этот подход еще сгодится. Но не против цивилизованных народов. А Драгомирову подобные мелочи не интересны. Его голова настолько крепка своей массивной, звонкой костью, что он даже идеи Суворова осознать не в состоянии. Пуля – дура, штык молодец! И все тут! А то, что главной идеей Александра Васильевича было удивлять своего противника и действовать неожиданно для него, – он осознать не в состоянии. Вот и возносит отдельный тактический прием, связанный с особенностью оружия тех лет, в

стратегическую доминанту.

– Не все идеи Михаила Ивановича плохи, – возразил Милютин.

– Не все, – согласился Император. – Но с такими теоретиками, как Драгомиров, и такими практиками, как Ванновский, мы обречены повторить позор Крымской войны. В самом скором времени. Вы нужны мне, Дмитрий Алексеевич. Мне и империи. Понимаю, что вы уже не в тех годах, чтобы лихо скакать на коне. Но этого и не прошу. Разгоните всю эту шайку мракобесов да подготовьте себе смену. И этого уже довольно будет.

– Вы ставите невыполнимую задачу, – горько усмехнувшись, заметил Милютин.

– Если бы она была легкой, то я вас не стал бы тревожить. А так… если честно, то я и сам не понимаю, что делать с этими баранами. Хоть по примеру Петра Великого зубы дергай из их консервированных рож.

– Каких-каких? – переспросил Дмитрий Алексеевич, мягко и как-то по-доброму улыбнувшись.

– Консервированных. Он же ратуют за консервацию всего и вся, помидоров там, огурцов, грибов, общества и даже собственных мозгов…

Если поначалу Милютин держался напряженно и отстраненно, то очень скоро оттаял и активно включился в беседу. Долгую и безумно интересную для него. Окрыляющую и вдохновляющую. Императору это не составляло трудов. Он-то знал, каким будет это самое будущее. Поэтому «футуристические фантазии» имел самые что ни на есть детальные. Отчего Дмитрий Алексеевич стал считать, будто бы наш герой просто ранее стеснялся своих убеждений, держась в тени отца. Ну или что-то в этом духе. А теперь получил возможность раскрыться.

Когда же он ушел, имея на руках указ о назначении новым военным министром, Император нервно выдохнул. И даже проглотил маленькую рюмочку коньяка. Больше он себе не мог позволить, а для успокоения нервов требовалось хоть что-то.

Так промахнуться… он ведь собирался заходить на своего главного оппонента с другого фланга. Через армию. Через постановку над гвардией и столичным военным округом человека, который Владимира Александровича на дух не переносит. Взаимно. А потому приведет очень скоро к серьезным затруднениям у «любимого» дядюшки.

В частности, наш герой планировал людей Владимира Александровича выводить «на повышение» за пределы округа, где и давить потихоньку. Благо что дисциплинарных и технических возможностей сломать карьеру офицеру было достаточно. Год, может быть, два, и опора на воинские контингенты у дяди поплыла бы, став зыбкой и крайне ненадежной. А там и с Морским ведомством удалось бы что-нибудь сделать, так же аккуратно и осторожно. Но не выдержал. Психанул. Снял Алексея Александровича. И вся затея полетела коту под хвост. Пришлось импровизировать. А тут еще и Милютин приехал. Неожиданно. Не отправлять же обратно? Второго такого шанса уже не будет.

Эти ключевые перестановки в Морском и Военном ведомствах вкупе с травлей Победоносцевым, что развил бурную деятельность против моряков, выглядели очень рискованным занятием. Почти блефом. Одной сплошной провокацией. Партией в «русскую рулетку», которая ставила на кон его жизнь самым натуральным образом. Потому что и дядя, и стоящий за ним клан могли начать бороться за свое положение. И пойти в этом деле до последней крайности. Ведь боролись бы не за страх, а за бабло и власть, которые стремительно начали утекать у них из рук.

В свое время Павел I в близкой ситуации попытался защититься посредством окружения себя верными бойцами гвардии. На этом и погорел, ибо гвардия оказалась не так надежна, как ему думалось. Вот и Николай Александрович из-за этого немало мандражировал, больше держась лейб-конвоя из казаков и горцев, чем гвардейцев. Да выбирая тех, что как можно более дикие и мрачные, желательно из самых глухих станиц и дальних горных аулов. Чтобы эти ребята видели в службе свой единственный шанс.

Но этих бойцов было мало. И наращивать свою личную охрану наш герой не мог. Точнее, мог, но боялся через это привлечь излишнее внимание и спровоцировать своих оппонентов. А потому и нервничал, отчетливо понимая – в случае «серьезного дела» этой горстки защитников может не хватить. Особенно сейчас, когда все неожиданно пошло вскачь…

Глава 6

1889 год, 21 марта. Санкт-Петербург

Император вышел из Зимнего дворца. Вдохнул прохладного, свежего мартовского воздуха. И направился к поданной ему коляске. Обычной черной и на первый взгляд неприметной. Таких была масса в столице.

Рядом с ней находились две ее товарки – вышедшие словно из-под одного и того же штампа. Даже лошади одной масти. Только в этих колясках, идущих авангардом и арьергардом, сидели бойцы лейб-конвоя. И не просто так, а настороже.

У каждого кроме карабина Winchester образца 1873 года с магазином на дюжину патронов. 44–40 WCF было и по шестизарядному самовзводному револьверу S&W «новой модели» образца 1881 года, приспособленному под такие же боеприпасы. Конечно, совсем недавно небольшую партию подобных револьверов, но под более слабый патрон, приобрели и поставили на вооружение в Русской Императорской армии под громким названием «револьвер Смит-Вессон, офицерского образца, двойного действия». Однако бесспорная тактическая выгода от унификации карабинного и револьверного боеприпаса лейб-конвоя вынудила Николая Александровича озадачить Шувалова «мониторингом» каталогов продавцов оружия. И очень скоро оказалось, что нет никакой необходимости делать срочный «дозаказ». Все уже имелось в наличии на рынке оружия.

Тут, правда, имелся важный нюанс. В те годы револьверы, а позже и пистолеты удерживали одной рукой. По старинке. Как старые кремневые поделки. Из-за чего быстрая стрельба из такого оружия была затруднительна, особенно из мощного. Вон армейские да флотские офицеры и от «облегченного» патрона в их S&W были не в восторге, стеная в голос. Поэтому Император решил немного помочь своим подчиненным, введя новый для них хват «коротко-ствола» двумя руками, а также новую стойку и манеру передвижения. Благо что, в свое время посещая тир и стреляя «для успокоения души», он мог кое-что показать. Самые азы. Но и этого хватило, чтобы, казалось бы, тяжелый и неудобный револьвер заиграл новыми красками, открывшись с неожиданной стороны. Особенно

самовзводный.

Аналогично обстояли дела с карабином, хват и манера употребления которого серьезно изменились под «реверсным» влиянием традиций штурмовых винтовок. Во всяком случае, Императору так было удобнее стрелять, особенно если стрелять требовалось в движении. Так что получилась по тем годам уникальная ситуация. Каждый из бойцов лейб-конвоя мог не только обрушить на противника настоящий град пуль, но и сделать это быстро и относительно точно. Во всяком случае, на импровизированном стрельбище их показатели неуклонно росли день ото дня.

Вот эти ребята и сопровождали Императора практически всюду, готовые в любой момент открыть огонь. Одна пролетка с бойцами спереди – авангардом, вторая сзади – арьергардом, ну и наш герой посередине. А то мало ли? Слишком много в те годы было идейных психов. А умирать из-за навязчивых идей очередного безумца в планы нового монарха не входило.

Поднялся Николай Александрович в коляску. Уселся поудобнее. Подождал, пока рядом пристроится двоюродный дед – Константин Николаевич. И поехали. Разумеется, никаких прямых маршрутов. Он старался не быть предсказуемым. Командиру первой коляски сообщали, куда они отправляются, вот он и рулил, выписывая кренделя и петли.

В этот раз Император устремился на Балтийский завод. По пути планируя многое проговорить с новым Морским министром. А то как тот взялся за удила своего ведомства, так особо и не заглядывал с докладом.

Балтийский завод… краса и гордость Российской империи. Завод, который в 1890–1910-е годы построит львиную долю всех кораблей первого ранга. Нередко спорных конструкций, но это уже другой вопрос. И эти производственные мощности закладывались не один год. Что он забыл на нем?

Зайдем издалека. Император был прекрасно осведомлен о том, какие цели преследовала Мария Федоровна, проталкивая через своего супруга проект Транссибирской железнодорожной магистрали. В будущем. В том, которое уже не случится, ибо Александр III умер в 1888 году в железнодорожной катастрофе, в которой должен был бы выжить. Но не суть. Главное, что к этой дороге пока еще даже и не подступились, ведя разве что осторожные разговоры.

Зачем она была нужна? Николай Александрович откровенно потешался над «великими мыслителями» XX и XXI веков, что мнили, будто бы такой монументальный проект строили ради «маленькой победоносной войны». Бред же. К счастью, в реальности до такого уровня маразма в Российской империи не скатывались.

Принято считать, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. Это очевидный перегиб. Потому что начинал он не только с остатками промышленности Российской империи, разгромленной за годы Гражданской войны. Да, она была не такая большая и развитая, как хотелось бы, но она была. И про Балтийский, Путиловский, Тульский и многие другие заводы забывать не стоит. А чего стоил Донбасс с окружающими его предприятиями? Проблемы у Иосифа Виссарионовича были не столько с заводами, сколько с рабочими. Ведь их много погибло в Гражданскую, сражаясь по обе стороны «баррикад». По обе, это не ошибка. Рабочий ведь совсем не синоним слова «красный». Хватало и тех, кто поддерживал белых, были и те, что выступали за зеленых, а имелись и те, что вообще пытались держаться сами по себе.

Смешно сказать, но в 1913 году в Российской империи квалифицированных рабочих было больше, чем, например, в СССР в 1935–1936 годах. Кто-то из этих спецов остался в промышленно развитой Польше или в иных осколках империи. Кто-то эмигрировал в США или Западную Европу. Ища там лучшую долю. А кто-то и погиб. Что же до неквалифицированной рабочей массовки, то ее и в середине XIX века хватало. Ведь до трети крестьян постоянно отходили на заработки. Именно эти вроде бы как селяне строили дороги, заготавливали лес, работали на шахтах и рудниках, выполняли обширные подсобные работы на заводах. Но они не считались рабочими, они числились крестьянами, в отличие от советского времени, где их учитывали так, как надо, хотя бы частью…

Но Россия после Гражданской, несмотря на разруху, имела все-таки относительно современную промышленность. Там было от чего плясать. Александр II же принял Россию у отца в таком состоянии, что хоть стой, хоть падай. Убогая полуфеодальная экономика с примитивной, архаичной и очень слабой мануфактурной промышленностью. В России не могли делать должным образом никаких современных промышленных товаров, а те, что как-то удавалось выпускать, были малочисленны и очень дороги. Не говоря уже про качество. И Александр II попытался это исправить.

Очень скоро выяснилось, что стремительно растущей промышленности тупо не хватает рынков сбыта. Российский был очень узким. Да и на нем хватало серьезных иностранных конкурентов. Но даже если бы все иноземные товары с него выгнали, все одно – он оставался слишком маленьким и не позволял российской промышленности выйти на достойный мировой уровень.

Начали думать о том, где брать эти самые рынки сбыта. В Европе страшная конкуренция и своих товаров некуда девать, которых не только много, но и качеством они были много лучше отечественных. Требовалась какая-нибудь большая и сочная колония. Но все уже поделили серьезные игроки без участия России. Вот и получалось, что нам оставался только один путь – в совершенно средневековый Китай, который лежал слишком далеко для наших геополитических противников. Для этого Транссиб, как будущая торговая магистраль, и строился.

Уже там, в XXI веке, Николай Александрович знал, что экспансия в Китай для России на рубеже XIX–XX веков так же естественна и необратима, как и столкновение с Японией. Ведь геополитические противники России просто не успевали застолбить за собой Китай, как ни крути. А потому, безусловно, стали бы выращивать боевого хомячка – Японию, – дабы сдерживать на этом направлении Россию. Пока они туда сами подтянутся. Завершение индустриализации и дальнейшее усиление нашего Отечества никому из крупных мировых игроков было не нужно. Даже для тех, что прикидывался нашими друзьями, той же Франции.

Посему и строительство мощного современного флота выглядело неизбежным. Конечно, можно было бы и отказаться от экспансии на китайские рынки. Но тогда что дальше-то? Задыхающаяся промышленность империи не имела бы должного развития и все сильнее отставала бы от своих конкурентов. А Россия в конечном счете начала дробиться и рассыпаться из-за чисто экономических проблем, как бывало неоднократно в этом мире.

Можно, конечно, попытаться концентрировать все ресурсы по советской схеме. То есть, загнав все производительные силы в руки единой управляющей компании в рамках всеобъемлющего государственного капитализма. Но история показала – это тоже не выход. Потому что даже при таком подходе рынок России оказывался слишком узким и маленьким для развития современной промышленности. И чем дальше, тем это становилось сильнее заметно. Уголь копать, сталь выплавлять и танки строить Союз еще мог, агрегируя для этих

целей доминирующую массу прибавочной стоимости. А вот с товарами народного потребления уже не справлялся.

Николай Александрович прекрасно это осознавал. И много думал об этой ситуации, оказавшись здесь в теле новоиспеченного Императора. И каждый раз приходил к выводу – за Китай нужно драться. Отчаянно. Самозабвенно. До последней крайности. Потому что он – единственный шанс для России выбраться из этого тупика. И другого такого уже, вероятно, никогда не будет. А значит, требовалось готовиться, строя в том числе и мощный современный флот. Посему он и отправился на Балтийский завод… посмотреть, подумать, а возможно, и серьезно поговорить. Ведь интриги интригами, а и про дела забывать не стоило…

– Почему вы такой недовольный? – тихо спросил Император, въезжая на территорию завода. – Михаил Ильич же ваш ставленник. Я правильно понимаю?

– Правильно, – выдавив из себя кислую улыбку, ответил Константин Николаевич.

– Думаете, он вас неприятно удивит?

– Вряд ли. Я с ним поддерживал общение и после отставки. Он большой умница и все эти годы занимался модернизацией завода.

– Тогда что вас тревожит?

– Вы, Ваше Императорское Величество. Вы сильно переменились после железнодорожной катастрофы. Ваш гнев на Алексея Александровича был вполне справедлив. Но я не знаю, как вы отреагируете на дела Михаила Ильича. На заводе ведь не все ладно, есть и недостатки. А я не хотел бы, чтобы Кази снимали с должности. Он толковый человек, и найти ему замену будет непросто. Михаил Ильич вот уже десять лет как пытается проводить реконструкцию завода, стремясь сделать его самым передовым в России.

– Не переживайте, Константин Николаевич, – как можно более доброжелательно улыбнувшись, ответил Император. – Мы здесь по этой причине и появились.

– Серьезно? – немало озадачился великий князь.

– Серьезно. А вы что думали? С инспекцией?

– Да… – рассеянно ответил собеседник.

Управляющий Балтийским заводом появился, когда Император начал осмотр цехов. Зачем предупреждать о своих действиях? Так ничего настоящего и не увидишь – лишь сплошные «потемкинские деревни».

Николай Александрович ходил с небольшой делегацией по заводу и разговаривал с людьми. Смотрел на то, как они работают. Расспрашивал о жизни. О быте. О жилье. О детях. О проблемах с питанием. О навыках. Да и вообще задавал весьма нетипичные вопросы. Обычно высокое начальство таким не интересуется. А тут – нате. Понятно, что любой управляющий постарается выставить все в лучшем для себя свете. Поэтому Император хотел прежде всего услышать слова людей, а уже потом пообщаться с их руководителем.

Вместе с тем он смотрел на этих работников и оценивал их. Старался подмечать пьяных и дурных, заводил и авторитетов. И главное – настроения. Фиксируя все в блокнотик под кислыми взглядами Константина Николаевича и откровенно дергавшегося Михаила Ильича. Император засовывал свой нос куда ни попадя. Ведь кроме открытых производственных участков, привычных и обыденных для проверяющих, Николая Александровича интересовали и подсобные помещения. Осматривал он и места отдыха, приема пищи, и прочее, прочее, прочее. Даже сортиры для рабочих не упустил из вида. А они имели такое «ухоженное» состояние, что управляющий покраснел словно вареный рак, едва не провалившись сквозь землю…

– Михаил Ильич, что вы слышали о Чарльзе Крампе?

– Немного, Ваше Императорское Величество. Знаю, что в Филадельфии стоит судостроительный завод этого господина, и он, как сказывают, неплох.

– Неплох? – повел бровью Николай Александрович. – По организации труда он один из лучших в мире. Например, то же сверление, высечку и клепку он делает с помощью пневматических машин, которые повышают производительность труда в четыре и более раз. Более того, при том же качестве результата не требуют столь высокой квалификации рабочих, как, скажем, на лучших британских заводах. Он вообще работает существенно быстрее, дешевле,

сохраняя при этом высокий уровень качества.

– Это делает ему честь.

– Бесспорно. Поэтому я хочу предложить ему провести модернизацию вашего завода, пообещав третью долю от владения.

– Ваше Императорское Величество… – опешил Кази.

– Не переживайте. Вы неплохо справляетесь. И сейчас Балтийский завод на хорошем отечественном уровне. Другой вопрос, что этот уровень совершенно негоден для современного судостроения. Но я вас не виню. Вы сделали то, что могли, и даже больше. Поэтому я надеюсь на ваше понимание и содействие в дальнейшем развитии завода.

– Конечно, Ваше Императорское Величество! Сделаю все возможное! – с придыханием выдал Михаил Ильич, прекрасно понявший намек. Откажись он или начни артачиться – сразу и уйдет. Император ведь явно недоволен тем, что увидел. И сортир… как же он о нем не подумал. А там какие-то творцы догадались всякие пакости «шоколадной краской» на стенах написать. Стыдоба! Позорище! И ладно бы Николай Александрович прошел мимо, фыркнув. Так нет – стоял и внимательно читал, даже спрашивал совета, пытаясь разобрать не вполне ясно изображенные буквы. Словно бы издеваясь над бедным управляющим, что стоял рядом и судорожно хватал воздух от переполнявших его чувств.

– И не тушуйтесь. Неделю вам сроку. Подумайте о том, как видите свой завод в будущем. Что вам нужно? Какие потребности имеете? И приходите на прием. Поговорим. А вы, Константин Николаевич, постарайтесь раздобыть к этому моменту подробную карту прилегающих к заводу территорий и выяснить, в чьей они собственности.

– Сделаю, Ваше Императорское Величество, – кивнул глава Морского ведомства.

– Также на ваши плечи ложится задача по сбору вот этих сведений, – произнес Император и, вырвав несколько листков из блокнота, протянул их двоюродному деду. – И листки не заиграйте. Как себе перепишете, верните.

– Да, конечно… – выдохнул тот, не понимая, что и ответить. Кого и чего там только не было. И какие-то химические производства, и электрики, и оптики, и специалисты по сварке металла, и строители, и многие, многие другие.

– И главное, господа, держите язык за зубами. Не нужно рассказывать всем и каждому о грядущих изменениях. А то набегут спекулянты, взвинтят цены, и мы попросту не потянем задуманные масштабы. Да и Крамп может вполне отказаться. Преждевременные слова о сотрудничестве могут выйти боком. Или нам, или ему. Надеюсь, вы меня поняли?

– Так точно, Ваше Императорское Величество, – охотно и практически синхронно произнесли они.

Не скажут? Вполне вероятно. Но это никак не помешает им проводить предварительные консультации и переговоры. Для умного человека – достаточно. Так что промышленные круги отчетливо возбудятся и заинтересуются Константином Николаевичем. А это, в свою очередь, укрепит его положение. Отсутствие же конкретики серьезно затруднит спекуляции. Во всяком случае, Император на это рассчитывал. Тем более что, строго говоря, Балтийский завод не стоял на балансе Морского ведомства. А значит, мысли если и возникнут, то в отношении других объектов…

Глава 7

1889 год, 20 апреля. Санкт-Петербург

Минуло уже чуть более чем полгода с момента попадания нашего героя в тело Николая Александровича при весьма печальных обстоятельствах. И весь этот небольшой отрезок, по сути, делился на две неравные части – до и после домашнего ареста великого князя Алексея Александровича. Если до этого случайного события, сделанного на нервах, новоявленный Император мог еще рассчитывать на относительно спокойное решение всех своих затруднений, то после – нет.

На первый взгляд казалось, что Владимир Александрович и его последователи проглотили нанесенную им обиду. Но наш герой уже довольно неплохо разобрался в психологии местных обывателей. Они были медленные и делами, и мышлением. А то, что совершил Николай Александрович, совершенно диссонировало с тем, как он вел себя раньше. Этот поступок был шоком. А клан «любимого дядюшки» просто еще не успел осознать и как-то отреагировать. Слишком медленное прохождение импульсов по нервам этого «доисторического чудища». Что будет дальше, предсказать было несложно. И он не желал, чтобы союзные Владимиру Александровичу силы консолидировались и оформились во что-то единое и значимое.

Восстанут или нет – не ясно. Но это было и неважно. Довольно было и того, чтобы они встали грудью на пути важных шагов по спасению тонущего корабля империи… и, как следствие, Императора. Да, конечно, всегда можно сбежать в Латинскую Америку, прихватив золотой запас. Но просто так сдаваться наш герой не хотел. Как и договариваться с этими кадрами, потому что они хотели вернуть «славные времена Екатерины», то есть времена развитого феодализма, крепостного права и прочих «удивительных вещей», гарантированно ведущих Россию в могилу. А значит что? Правильно. Их нужно было и дальше последовательно провоцировать на решительные действия. Желательно опрометчивые. И каждый день промедления играл не в пользу Императора.

И он начал действовать с ходу, с пробуксовкой.

За минувшие с семейного совета полтора месяца Николай Александрович перетряхнул весь Совет министров и Государственный совет, заменив многих… очень многих. Выдвигая на ведущие позиции либо «старую гвардию» деда, либо молодых да борзых. Таких, что ему будут обязаны своим продвижением и карьерным ростом. Так, например, Посьета он заменил Витте. Но не просто так, а поставив ему испытательный срок и вполне конкретный KPI на это время. Справится? Станет министром. Нет? Желающих толпа.

Вместе с перестановками в аппарате управления империи Николай Александрович игрался с законами. То выпустит указ об отмене циркуляра «О кухаркиных детях». То отдаст распоряжение о подготовке к переходу на метрическую систему. То подпишет указ о разрешении женщинам поступать в высшие учебные заведения Российской империи на общих основаниях. То прикажет Витте начать приготовления к переходу русской железнодорожной колеи на европейский стандарт. То поднимет вопрос об отмене выкупных

платежей, дабы облегчить положение крестьян – основного податного сословия, через что увеличить внутреннее потребление товаров и налоговые сборы в казну. То подпишет указ о запрете выдавать дворянам ссуды или иной помощи в Дворянском банке, ежели они не служили хотя бы десяти лет. А также поручит пересмотреть все дела о ссудах, залогах и долговых обязательствах дворян, ведущих слишком разгульную или бестолковую жизнь. Ну и так далее.

За эти полтора месяца наш герой выдал больше официальных бумажек, чем его предшественник за несколько лет. И среди них были не только простые законопроекты, указы, распоряжения или поручения. Нет. Встречались и достаточно сложные и труднопонимаемые. Так, например, 1 апреля Император подписал указ «О банках», в котором постарался как можно лучше переложить закон Гласса – Стиголла на реалии 1880-х годов. Оригинал-то вышел лишь в 1933 году и в США, но был очень важным шагом в борьбе с регулярными биржевыми кризисами и непрерывными банкротствами коммерческих банков. Этот закон разделял банки на инвестиционные и коммерческие, запрещая коммерческим заниматься инвестиционной деятельностью, ограничивая их права на операции с ценными бумагами и вводя обязательное страхование банковских вкладов. В свое время это позволило очень серьезно стабилизировать ситуацию в банковской сфере США, облегчив преодоление острой фазы Великой депрессии. Да и в дальнейшем немало помогало, вплоть до отмены закона в 1999 году, что довольно скоро спровоцировало серию потрясений вполне характерного толка.

Но не суть. Главное – законов было много. Большинство из них носили откровенно шокирующий характер для охранительно-реакционных и консервативных сил общества. Будучи пощечинами их «общественному вкусу» и их ожиданиям. А частью и ущемляя их интересы. В особенности великого князя Владимира Александровича и его ближайших сторонников.

Но все его усилия не помогали. Да, Императору доносили о том, как его честили почем зря эти люди, не сильно стесняясь слуг. Но дальше подобных поступков не заходили даже в обсуждениях.

– Парализованные уроды! – в сердцах воскликнул Николай Александрович, вышагивая по кабинету после прочтения очередного донесения. – Мерзавцы! Да как они смеют бездействовать?!

Еще немного покипев, он решился на последнюю проверку, пустив слухи, будто бы готовится арест великого князя Владимира Александровича по обвинению в хищениях. А вместе с ним – ряда офицеров-гвардейцев, уличенных в пособничестве. Если и после этого они не дернутся, то можно будет смело начать наводить среди них порядок посредством арестов и судов.

И вот, подождав, пока слухи дойдут до нужных ушей, Николай Александрович отдал распоряжение о подготовке срочного переезда в Гатчину, «дабы побыть в тишине и отдохнуть». После чего был отправлен большой десант из слуг Зимнего дворца и лейб-конвоя во главе с самим Шуваловым. Причем все – в дикой спешке. Что дало злым языкам повод шутить, будто «сей отрок бежит в папенькино имение, ища у призрака гатчинского затворника защитника от превратности судьбы». При себе же Император оставил только самых надежных.

Таким образом, буквально на несколько дней Зимний дворец остался почти без охраны. А вместе с тем и сам Император. Прекрасный шанс! Отличный шанс! Или сейчас, или никогда! Тем более – он сам боится! Это же всем «умным» людям и так стало очевидно. А кто сразу не понял – услышал перешептывания, пущенные с подачи Императора. В общем – ату его! Ату!..

Бум! Начали стучать напольные часы, отбивая одиннадцать. За окном было уже темно. Николай Александрович выхватил револьвер из поясной кобуры и крутанул барабан, проверяя легкость хода. Рядом – напряженные лица немногих бойцов лейб-конвоя, что им были оставлены подле себя. Самые верные из самых диких.

Быстрые шаги. Бесшумно открылась дверь.

– Ну что там?

– У Главного штаба стоят коляски с людьми. Есть верховые.

– Много?

– Не очень. Но это то, что на виду. Что за поворотом, не ясно.

– Тушите свет. Имитируем отход ко сну.

Часть бойцов отправилась спокойно выполнять порученную работу. Без лишней суеты. Аккуратно. В соответствии с обычным порядком «отхода ко сну» тушить освещение дворца. А Император сел в кресло, чтобы уже не мельтешить.

– Идут, – коротко и емко произнес наблюдатель, что сидел в соседней комнате в полной темноте, дабы выглядывающую в окно мордочку было бы не различить.

В 23.45 парадные двери Зимнего дворца отворились, пуская в себя незваных гостей. Возбужденные взгляды. Раскрасневшиеся лица. Мундиры. Гвардейские по большей части.

Слуги, что находились в холле, прыснули в разные стороны, как тараканы. Но на них никто не обратил никакого внимания. Гости ворвались в парадную, поднялись по левой лестнице на второй этаж и ринулись в покои Императора. Прекрасно зная, где они расположены.

Первая дверь распахнулась под их напором. Вторая. Третья. И нигде никого. Четвертая. Пятая…

И вот, после того, как створки очередной двери едва не слетели с петель от прущей вперед толпы разгоряченных людей, они наконец увидели цель. Перед ними, в окружении группы бойцов лейб-конвоя с карабинами Винчестера, стоял Император с револьвером в правой руке и стеком в левой. Рядом с чем-то, напоминавшим крепостное ружье на треноге. Толпа инстинктивно притормозила, перейдя на шаг.

– Стоять! – громко крикнул Император и махнул стеком. И кончик ствола странного «ружья» расцвел вспышками, а зал заполнился грохотом выстрелов, пороховым дымом и свистом пуль над головами заговорщиков, а также ударами пуль о стены.

Ад… настоящий ад. Стрельба из пулемета в замкнутом помещении сильно давит на психику. Несколько ударов сердца, и этот ад прекратился. Лишь нос щипало от запаха пороха, изрядно ухудшилась видимость от дыма, и уши казались забитыми ватой. Ошарашенная толпа сгрудилась, сбившись в кучу, словно испуганные овцы. Первые ряды отпрянули, испугавшись огнедышащего жерла. Задние поджались, уходя от ударов пуль о стену и сыплющейся штукатурки.

– Это – пулемет системы Максима, – громко произнес Император. – Скорострельность – шестьсот выстрелов в минуту. Длина заряженной ленты – шестьсот патронов. Хватит всем. И не по одной пуле. Первых же нарубит в фарш. Поняли?

Да, это был тот самый 10,63-мм пулемет системы Максима, что в 1887 году демонстрировался еще Александру III. Тот самый, что проходил всесторонние испытания в Гатчине, оставив весь российский генералитет совершенно равнодушным. О нем и думать забыли. А вот Император озаботился тем, чтобы оружие разобрали и по фрагментам провезли тайно в Зимний дворец. Где хранили без какой-либо огласки.

Следом за краткой речью Императора раздался пронзительный свисток и какой-то топот. Это десяток лейб-конвоя, вооруженный «винчестерами» и револьверами, запирал заговорщиков, перекрывая им выход из зала. Дабы не сбежали. После чего Николай Александрович продолжил:

– Из этого зала у вас есть только два пути. Первый в Петропавловскую крепость для ожидания суда. Второй – в яму скотомогильника. Ворвавшись сюда, вы потеряли все: чины, награды, титулы и даже имена, данные вам при рождении. Вернуть их может вам лишь суд. До него – вы никто, и звать вас никак. Впрочем, до суда еще нужно дожить. Это сумеют лишь те, кто неукоснительно будет выполнять три простых правила: за неподчинение приказу – смерть; за попытку бегства – смерть; за попытку нападения – смерть. А теперь слушай мой приказ. Названные по одному выходят из строя, бросают на пол все оружие и, подняв руки, подходят к конвою. Первый пошел! – рявкнул наш герой и ткнул стеком в сторону великого князя Николая Николаевича Старшего.

– Ах ты гаденыш! – воскликнул тот и, ринувшись на Императора, попытался достать шашку.

Бах! Выстрелил один из бойцов лейб-конвоя, выбив этому старому генералу мозги. А Император, стараясь сохранять полную невозмутимость, произнес:

– Второй пошел!

Указав при этом на великого князя Владимира Александровича.

– Ваше Императорское Величество, – осторожно произнес великий князь Павел Александрович, – вы нас не так поняли.

– Как вас следует понимать, будет решать суд и никто более. А сейчас – не задерживаться. Второй, – с нажимом произнес он, – пошел!

Владимир Александрович нервно сглотнул. Шагнул вперед и негнущимися пальцами начал расстегивать ремень. С трудом справился. Уронил шашку. Повернулся и сделал шаг к указанной двери, где ждали бойцы лейб-конвоя.

– Руки! – наставив на него револьвер, крикнул Император.

– Что? – как-то отрешенно переспросил великий князь.

– Руки вверх. И на виду их держи. Вот. Молодец. А теперь топай. Третьему, – короткий взмах стека в сторону Павла Александровича, – приготовиться. И очень рекомендую помнить о первом правиле: неподчинение приказу – смерть!

Великий князь Владимир Александрович вошел в комнату, где был принят парой бойцов лейб-конвоя. Из горцев. Они ему лихо заломили руки и повязали. После чего отвели в соседнее помещение и усадили на пол. А вторая пара уже принимала следующего.

Ночь же только начиналась. Требовалось не только принять и упаковать этих кадров, но и что-то делать с остальными. Ведь наверняка у них осталось прилично сообщников на свободе. Кто-то с конями и колясками у Зимнего дворца. Кто-то в гвардейских казармах, ожидая сигнала к началу действий. Кто-то еще где-то. За всеми не уследить. Но ночь только начиналась…

Глава 8

1889 год, 21 апреля. Санкт-Петербург

Утром вся столица замерла в ожидании. Как позже оказалось – о готовящемся перевороте знали многие. Слишком многие. И приличная часть старой аристократии делу Владимира Александровича вполне сочувствовала.

Император ведь не знал, сколько и каких соратников осталось у заговорщиков на свободе. Поэтому сразу после ареста начал допросы с применением не самых гуманных методов. Без членовредительства, конечно, однако легче от этого арестованным не стало. Некрасиво. Мерзко. Но это позволило понять общую картину в целом. Как и подозревал наш герой, часть заговорщиков дежурила в казармах верных им воинских частей в ожидании сигнала. Так что, не мудрствуя лукаво, Николай Александрович начал рассылать курьеров по тем полкам, что не ожидали экстренного подъема по тревоге. И стягивать их к Зимнему дворцу. Дабы иметь силы, способные парировать попытку штурма, если заговорщики на нее решатся. Так-то нет, глупо. Им теперь либо бежать, либо веревки готовить с мылом. Но мало ли? Вдруг решатся? Проиграть из-за самонадеянности было бы очень обидно.

Допросы показали весьма печальную картину. Оказалось, что почти вся лейб-гвардия была замешана в заговоре. Офицеры, во всяком случае. Поэтому Император отправлял курьеров больше в линейные части, а также собирал верных сотрудников полиции и жандармов. Из-за чего всю ночь, а потом и все утро в столице было очень волнительно. То небольшой отряд полиции куда-то пройдет организованной колонной. То батальон пехотного полка с частью обоза. То еще кто-то.

Очень помогало то, что руководители этого заговора были взяты в плен, а оставшиеся на свободе заговорщики толком не знали – кто с ними, а кто против. Поэтому это оживление действовало успокаивающе и опьяняюще. Ведь как поступил бы Император, провались на него покушение? Правильно. Послал за верной ему лейб-гвардией. Тут бы его и прижали. А так как в дело пошли полицейские и обычные армейские батальоны, то все выгорело, все хорошо. И гвардейцев просто не хотят марать всякой пакостью. Вот они и сидели, спокойно ожидая новостей.

Финалом «накопления сил» Императором стали десять часов утра. Когда к Зимнему дворцу подошел великий князь Михаил Николаевич, поднявший бригаду лейб-гвардии конной артиллерии, где был когда-то командиром. А по Неве «подгребла» небольшая эскадра под командованием Константина Николаевича, который держал свой флаг на «Петре Великом». Единственном

действующем броненосце России на Балтике. Его, правда, скорее можно было квалифицировать как монитор, но это не имело никакого значения. Потому как ничего мощнее у России на Балтике просто не было.

Подошедшие корабли и артиллеристы поставили точку в финале этой пьесы. Михаил Николаевич принял командование сводным гарнизоном и начал отправлять колонны к выявленным полкам лейб-гвардии для разоружения и ареста подозреваемых. А Император смог наконец вздохнуть свободно и пойти уже позавтракать, раз уже выспаться не дали.

Но и с приемом пищи не сложилось. Только он уселся, как в столовую вбежала вдовствующая Императрица с красным, заплаканным лицом и в весьма растрепанном виде. Она только что прибыла, приведя с собой лейб-гвардии кирасирский Ее Величества полк, шефом которого являлась. Что сделало этих ребят первыми кавалеристами, что пришли на помощь Императору.

– Ты жив… – как-то нервно произнесла Мария Федоровна, уставившись на Николая Александровича как на привидение. К счастью, говорили они тихо, а окружающие не стали мешать встрече матери и сына после всего пережитого.

– Ты все знала? – тихо и сухо спросил он, когда слуги, повинуясь жесту, спешно покинули помещение и закрыли за собой дверь. Но она ничего не ответила, лишь поджала сильнее губы и чуть потупилась. – Знала и не предупредила? Мама… мама…

– Они обещали не убивать, – тихо, едва слышно прошептала она. – Просто заставить написать отречение. Если предупрежу, то за твою жизнь они не ручались. За твою и брата.

– Уезжай… – покачав головой, произнес Николай. – Не хочу тебя видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lancov_mihail/nikolay-hmuryy-imperiya-ochen-zla

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити